

Чарльз Ледбитер

Ментальный план

Предисловие

Прежде чем отправить эту маленькую книжку в мир, нужно сказать несколько слов.

Это шестое в серии наших пособий, призванных удовлетворить запросы публики, требующей простого изложения теософических учений. Некоторые сетовали, что наша литература одновременно слишком трудна, слишком технична и слишком дорога для обычного читателя, и данной серией мы надеемся восполнить этот существенный недостаток. Теософия — не только для учёных, она для всех. Возможно, что среди тех, кто получит из этих книг первый проблеск её учений, окажутся немногие, кто последовав за ним, проникнут глубже в её философию, её науку и её религию, со студенческим усердием и рвением неопита взявшись уже за более сложные проблемы.

Но эти руководства не написаны лишь для усердных изучающих, которых не страшат первоначальные трудности; они написаны для людей, занятых повседневными трудами, чтобы прояснить для них некоторые из великих истин, чтобы сделать их жизнь легче, и помочь им легче встретить смерть. Будучи написаны служителями Учителей, старших братьев человечества, они не имеют иной цели, кроме как сослужить службу нашим собратьям.

Примечание автора

Как показали исследования, проведённые после выхода первого издания этой книги, наименование "дэвачан" этимологически не вполне точно и может ввести в заблуждение, потому автор предпочёл бы полностью опустить его, выпустив это пособие под более точным названием "Ментальный план". (Что и было сделано во французском и русском изданиях, тогда как по-английски книга вышла под названием "The Devachanic Plane or The Heaven World: its characteristics and inhabitants" — "План дэвачана или небесный мир: его свойства и обитатели — пер.). Однако издатели проинформировали его, что изменение названия могло бы вызвать трудности, связанные с авторскими правами, и произвести путаницу, потому он пошёл навстречу их пожеланиям.

ВВЕДЕНИЕ

В предшествовавшем этому пособию^{*} была сделана попытка описать астральный план — низшую область того огромного и невидимого мира, который нас окружает и в котором мы передвигаемся, и не догадываясь об этом. В этой же небольшой книжке мы намерены взяться за ещё более трудную задачу — дать представление о плане, находящемся непосредственно выше астрального, то есть о плане ментальном, или небесном мире, часто именуемым в теософической литературе планом дэвачана или сукхавати.

Хотя мы и называем этот план миром небесным, этим мы лишь хотим дать понять, что он содержит в себе ту реальность, которая служит основанием для всех самых возвышенных представлений о небесах, проповедуемых разными религиями, но всё же его вовсе нельзя рассматривать исключительно с такой точки зрения. Это царство природы, чрезвычайно важное для нас, огромный и великолепный мир интенсивнейшей жизни, в котором мы живём и сейчас, так же как и в периоды между физическими воплощениями. Лишь недостаток развития и ограничения, налагаемые нашим телесным одеянием не дают нам вполне осознать, что вся слава высочайших небес окружает нас здесь и сейчас, и что влияния, исходящие из небесного мира, действуют на человека непрестанно, если только мы поймём их и воспримем. Для человека светского это может казаться невозможным; для оккультиста же это яснейшая из реальностей, и тем, кто ещё не уяснил себе этой фундаментальной истины, мы можем только повторить совет, данный буддийским учителем: "не расточайте жалоб, слёз и молитв, но откройте глаза и смотрите. Свет — повсюду вокруг вас; и вы его увидите, если только сорвёте с глаз повязку и посмотрите. Он столь удивителен,

^{*} "Астральный план".

столь прекрасен, и настолько превосходит все человеческие мечты и ожидания! Он существует всегда, вечно".**

Изучающим теософию совершенно необходимо уяснить ту великую истину, что в природе существуют различные планы или подразделения, каждому из которых соответствует свойственная ему по степени плотности материя, проникающая материю плана непосредственно низшего. Нужно также ясно понимать, что выражения "высший" и "низший", прилагаемые нами к этим планам, никоим образом не относятся к их положению (ибо все они занимают одно и то же пространство), но только к степени разреженности составляющей их материи, или иными словами, к той степени, с какой их материя подразделена — ведь вся материя, о которой мы хоть что-нибудь знаем, по сути та же самая, и различается она лишь по степени разреженности и по скорости вибраций.

Потому, когда о каком-нибудь человеке говорят, что он переходит с одного из этих планов на другой, подразумевают вовсе какое-то его перемещение в пространстве, а просто изменение сознания. Ведь всякий человек содержит в себе материю, принадлежащую каждому из этих планов, и имеет для каждого из них соответствующий проводник, или тело, в котором он может действовать, если научится, как это делается. Так что перейти с одного плана на другой значит переместить фокус сознания из одного проводника в другой и на время воспользоваться, вместо физического, телом астральным или ментальным. Естественно, что каждое из этих тел откликается только на вибрации своего собственного плана, так что пока сознание человека сосредоточено в астральном теле, он будет воспринимать только астральный мир, как наше сознание, пользуясь только физическими чувствами, ощущает лишь мир физический, хотя эти миры, равно как и многие другие, окружают нас всё время, находясь в полной деятельности. Совокупность всех этих планов в действительности образует могущественное живое целое, хотя наши слабые способности позволяют нам наблюдать в одно время лишь весьма малую его часть.

Рассматривая этот вопрос о местонахождении и взаимопроникновении планов, следует остерегаться всевозможных ошибочных представлений. Нужно понимать, что ни один из трёх низших планов солнечной системы не имеет в пространстве тех же самых пределов, что и она сама, за исключением особого состояния каждого из этих планов — их высшего, атомического подразделения. У каждого физического планетного шара есть свой физический план (в который входит и его атмосфера), свой план астральный и ментальный, которые взаимно проникают друг друга и, следовательно, занимают то же положение в пространстве. Однако они совершенно отделены от соответствующих планов других планет и не сообщаются с ними. Лишь когда мы поднимаемся до возвышенных уровней буддхического плана, мы обнаруживаем состояние, общее, по меньшей мере, для всех планет нашей цепи.

Несмотря на это, как говорилось выше, существует атомическое состояние материи каждого из этих планов, которое по своей протяжённости является космическим. Так что можно сказать, что семь атомических подпланов нашей системы, взятые в отдельности от остальных, образуют один космический план — это низший из планов космоса, иногда называемый космическим пракритическим. Межпланетный эфир, который, по всей видимости, простирается по всему пространству, действительно и должен так простираться — по крайней мере до наиболее удалённых от нас звёзд, иначе бы наши физические глаза не могли бы их увидеть, и состоит он из предельных физических атомов в их нормальном, несжатом состоянии. Но все низшие и более сложные формы эфира существуют (по крайней мере согласно нашим нынешним знаниям) лишь в связи с различными небесными телами, собираясь вокруг них подобно атмосфере, однако в сравнении с нею простираясь, вероятно, заметно дальше от их поверхности.

Точно то же верно и для астрального и ментального планов нашей Земли. Наш астральный план проникает саму Землю и её атмосферу, но также значительно простирается и за её пределы. Читатель, может быть, припомнит, что греки называли этот план подлунным миром. Ментальный план, в свою очередь, проникает астральный, но также простирается в пространство значительно дальше его.

Лишь атомическая материя каждого из этих планов, и только когда она в совершенно свободном состоянии, занимает то же пространство, что и межпланетный эфир, и потому человек может переходить с одной планеты на другую (даже в пределах нашей цепи), в астральном или ментальном теле не более, чем он может и в физическом. В каузальном же теле, если оно достаточно высоко развито, это было бы возможно; хотя даже тогда это несомненно далось бы не с той

** Душа одного народа (The soul of a People, с. 163).

быстротой и лёгкостью, с которыми это достижимо на буддхическом плане теми, кому удалось поднять своё сознание на этот уровень.

Ясно поняв всё это, читатель уже не смешает, как это иногда бывало с изучающими, ментального плана нашей Земли с другими планетными шарами нашей цепи, существующими на ментальном плане. Следует понимать, что семь "глобусов" нашей цепи суть действительно шары, занимающие в пространстве строго определённое и отдельное место, несмотря на то, что некоторые из них не присутствуют на физическом плане. Шары А, В, F и G отделены от нас и разделены между собой, точно так же, как Марс и Земля. Единственная разница заключается в том, что Марс и Земля имеют свои физический, астральный и ментальный планы, тогда как шары В и F не имеют ни одного плана, ниже астрального, а шары А и G — ничего ниже ментального плана. Астральный план, рассмотренный в нашем предыдущем пособии "Астральный план", равно как и ментальный план, рассмотрением которого мы сейчас займёмся, относятся лишь к нашей Земле, и не имеют к другим планетам никакого отношения.

Ментальный план, где и происходит небесная жизнь, является третьим из пяти великих планов, с которыми в настоящее время связано человечество. Ниже него находятся планы астральный и физический, выше него — планы буддхи и нирваны. Это тот самый план, на котором человек, если он конечно не находится на совсем уж ранней стадии своего развития, проводит больше всего времени в течение процесса своей эволюции; ведь за исключением случаев совсем неразвитых людей физическая жизнь по своей продолжительности редко намного превышает одну двадцатую часть жизни небесной, а в случае людей вполне добропорядочных — и тридцатую часть.

Фактически, это истинный и постоянный дом того „я“, которое перевоплощается, то есть человеческой души. Каждое нисхождение её к воплощению является на её пути только кратким, но важным эпизодом. Поэтому, конечно, стоит труда посвятить изучению небесной жизни всё время и все старания, необходимые для того, чтобы достигнуть понимания этой жизни настолько совершенного, насколько нам это может позволить наше заключение в оболочке физического тела.

К сожалению, при попытке передать факты этого плана природы возникают практически непреодолимые трудности, что вполне естественно, ведь нам часто не хватает слов для выражения наших идей и чувств даже на нашем физическом плане, самом низшем из всех. Читавшие "Астральный план" вспомнят, что говорилось там о невозможности передачи адекватного представления о чудесах этой области тем, чей опыт ещё не вышел за пределы физического мира, и то же самое может быть сказано и относительно данного трактата, служащего его продолжением, но ещё в удесятерённом размере. Не только материя, которую мы должны попытаться описать, отличается от привычной нам ещё более, чем астральная, но и сознание этого плана в огромной степени шире всего того, что мы можем себе здесь вообразить. Сами его условия настолько отличны, что исследователь, если его попросить перевести их в обычные слова, сам окажется бессилён и сможет лишь довериться интуиции своих читателей, в надежде на то, что она восполнит неизбежные несовершенства его описания.

Чтобы привести хоть один пример многих возможных затруднений, достаточно упомянуть, что на ментальном плане время и пространство как бы и не существуют вовсе, потому что события, происходящие на физическом плане последовательно и в местах, сильно удалённых друг от друга, на этом плане видятся происходящими одновременно и в одном и том же пункте. Таково по крайней мере впечатление, производимое этим на сознание нашего „я“, хотя есть обстоятельства, говорящие пользу предположения, что абсолютная одновременность является свойством какого-то ещё более высокого плана, а ощущение этого в небесном мире — просто результат столь быстрой смены впечатлений, что промежутки времени, благодаря их бесконечно малой продолжительности, от нас ускользают, как при хорошо известном оптическом опыте, когда вращают прут, конец которого раскалён докрасна, со скоростью более чем десять оборотов в секунду. При этом глаз получает впечатление сплошного огненного круга — не потому что этот круг действительно существует, но потому что обычный человеческий глаз не может различать отдельных впечатлений, если они следуют одно за другим с промежутками, меньшими одной десятой секунды.

Однако, как бы там ни было, читатель без труда поймёт, что когда мы пытаемся описать условия существования, столь отличные от физической жизни, то нам не избежать упоминания многих вещей, которые окажутся не совсем понятными, и могут показаться даже совершенно невероятными тем, кто сам не испытал эту высшую жизнь. Как я уже говорил, это неизбежно, так что читателям, которые не окажутся не в состоянии признать отчёты наших исследователей, придётся просто подождать более удовлетворительного описания этого небесного мира, если не того времени, когда они будут в состоянии изучить его самостоятельно. Пока же я могу лишь повторить заверение,

сделанное мною в "Астральном плане", что для получения точности описаний мною были соблюдены все мыслимые предосторожности. И в том, и в этом случае мы можем сказать, что ни один факт, новый или старый, не допускался в этот трактат, если не подтверждался свидетельством по меньшей мере двух тренированных исследователей среди нас самих, а также если с ним не соглашались старшие ученики, чьё знание этих вопросов, естественно, лучше нашего. Потому мы надеемся, что этот отчёт, хотя и не может считаться полным, всё же будет достаточно надёжным в том, чего он касается.

Общий план нашего предыдущего пособия будут по возможности соблюдаться и в настоящем труде; так что желающие смогут сравнивать два плана аспект за аспектом. Название первого раздела "Астрального плана" — "обстановка" было бы, однако, неуместно по отношению к ментальному плану, как мы это увидим дальше, поэтому мы заменим его названием "главные свойства".

ГЛАВНЫЕ СВОЙСТВА

Возможно, наименее неудачным подходом к этому чрезвычайно сложному предмету будет сразу погрузиться в него и попытаться описать (хотя такая попытка и обречена на неудачу) то, что видит подготовленный ученик, когда перед ним впервые открывается небесный мир. Я намеренно применяю слово "ученик", ибо если человек не стал учеником одного из Учителей Мудрости, то существует весьма малая вероятность, что он сможет в полном сознании перейти в эту великолепную страну блаженства и вернуться на землю с ясным воспоминанием виденного. Никакой услужливый "дух" не спускается оттуда, чтобы рассказывать через посредство профессионального медиума разные банальности. Ни один обыкновенный ясновидящий не поднимается до таких высот, хотя и случалось, что лучшие и наиболее чистые из них проникали туда в моменты глубокого сна, когда ускользали из под власти своих магнетизёров. Но даже и в этом случае они редко выносили что-либо, кроме неясного воспоминания испытанного ими сильного, но неопишуемого блаженства, причём воспоминание это обычно было сильно окрашено их личными религиозными убеждениями.

Когда душа, удаляясь в себя после того, что мы называем смертью, достигает этого плана, то ни тоска скорбящих друзей, ни попытки привлечь её на спиритические сеансы не могут привести её в соприкосновение с физическим миром, пока духовные силы, приведённые в движение во время её последнего воплощения, не выработают полностью свой ресурс, и пока она не станет опять готова принять новое одеяние из плоти. Но даже если бы она могла вернуться оттуда, её рассказ о пережитом опыте не дал бы нам никакого верного представления, ибо, как вскоре будет видно, передать какое-либо представление могут лишь те, кто способен войти на этот план в полном сознании, передвигаться по нему, и сполна испытать удивительного великолепия и красоты этого небесного мира. Но всё это будет более подробно объяснено далее, когда мы будем говорить об обитателях этого небесного мира.

Красивое описание

В одном из ранних писем одного выдающегося оккультиста* было приведено следующее высказывание, которое он процитировал по памяти. Я так и не смог выяснить, откуда оно было взято, хотя похоже, ещё она его версия, заметно дополненная, встречается в "Собрании буддийских писаний", составленном Билом.**

«Наш владыка Будда сказал: Отделённая от нас многими тысячами мириад систем миров, существует область блаженства, именуемая сукхавати. Она окружена семью поясами оград, семью рядами обширных завес и семью рядами колеблющихся деревьев.

Этой святой обителью архатов управляют татхагаты, а владеют ею бодхисаттвы. В ней есть семь драгоценных озёр, в которых текут кристальные воды, у которых семь отличительных качеств и свойств, и в то же время одно. Это, о Шарипутра, и есть дэвачан. Его божественный цветок, удамбара, пускает свой корень в тень всякой земли, и распускается для всех тех, кто его достигает. И они, родившиеся в этой благословенной области, истинно счастливы. Они перешли золотой мост и достигли семи золотых гор. Для них в этом цикле отныне больше нет ни печалей, ни горестей.“ В этом отрывке под пышными восточными образами легко прослеживаются ведущие свойства ментального плана, наиболее акцентируемые в отчётах наших современных исследователей. "Семь

* См. "Письма махатм", письмо №70, вопрос 1 — прим. пер.

** Samuel Beal, "Catena of Buddhist Scriptures", с. 378.

золотых гор" не могут быть ничем иным, как семью подразделениями этого плана, разделёнными между собой преградами, хотя и не осязаемыми, но тем не менее настолько же реальными и настолько же действительными, как если бы там и в самом деле находились "семь поясов оград, семь завес и семь рядов деревьев"; "семь видов кристально чистой воды", из которых каждый обладает особыми свойствами, представляют различные способности и состояния ума, соответственно принадлежащие им, тогда как общее для них всех качество состоит в крайней степени блаженства, переживаемой во всех этих состояниях. "Цветок" этой области действительно "пускает свой корень в тень каждой земли", так как из каждого мира человек переходит на соответствующее небо, и несказанное счастье является цветком, распускающимся для всех тех, кто ведёт жизнь, делающую их годными для его достижения. Ведь они "перешли золотой мост", переброшенный через поток, отделяющий мир небесный от мира желаний;

борьба между высшим и низшим для них окончена, и потому "у них уже не будет ни печалей, ни горестей в этом цикле" — до тех пор, пока они вновь не отправятся в воплощение, оставив небесный мир позади.

Блаженство небесного мира

Полнота счастья — такова первая и главная идея, которая должна служить основанием для всех наших представлений о небесной жизни. Это не только мир, в котором из-за самого его устройства невозможны ни зло, ни печаль, и где каждое существо счастливо — действительность идёт ещё гораздо далее. Это мир, где всякое существо, благодаря уже самому факту присутствия там, испытывает самое высокое духовное блаженство, какое оно только способно воспринять — способность этого мира отвечать стремлениям человека ограничена лишь его собственной способностью стремиться.

Здесь мы впервые начинаем в чём-то понимать истинную природу великого Источника Жизни и схватывать далёкий отблеск того, чем должен быть Логос, и чем по его замыслу должны быть мы. И когда удивительная реальность всего этого возникает перед нашим изумлённым взором, мы не можем не почувствовать, что благодаря этому знанию истины, жизнь уже никогда не будет выглядеть для нас такой, как раньше.

Мы можем лишь поражаться безнадёжной негодности представлений мирского человека о счастье, и не можем не увидеть, насколько большинство этих предоставлений извращены и нереализуемы, и что в действительности он по большей части обращён спиной к самой цели своих исканий. Но здесь — истина и красота, превосходящие все мечты и грёзы поэтов, и в сверкании их непревзойдённой славы всякая другая радость кажется тусклой, бледной, нереальной и не дающей удовлетворения.

Некоторые подробности всего этого нам придётся попытаться разъяснить позже, теперь же нам достаточно подчеркнуть то обстоятельство, что это чудесное ощущение — не только отсутствие всякого зла и всякой дисгармонии, но ещё и постоянное и непреодолимое ощущение всеобъемлющей радости, — является первым и самым поразительным, которое испытывает человек, вступая в небесный мир. И пока он там находится, это впечатление никогда его не покидает — какую бы работу он ни выполнял, и какие бы высшие возможности духовного восхождения не открылись перед ним по мере получения новых знаний о возможностях этого нового мира, в котором он оказался, это странное неопишное чувство невыразимой радости простого существования в этом царстве является фоном всего остального, и радость от изобильной радости других всегда пребывает с ним. Ничто земное на это не похоже и не может дать подходящий образ. Если бы можно было представить себе беззаботную и счастливую жизнь ребёнка, одарённого однако же нашим духовным опытом, и усиленную во много тысяч раз, тогда вы, может быть, получите об этом некоторое смутное и слабое представление. И всё же этому сравнению ужасно не хватает того, что лежит за пределами всех слов — колоссальной духовной жизненности этого небесного мира.

Одним из проявлений этой могучей жизненности является крайняя быстрота вибраций всех частиц и всех атомов ментальной субстанции. В теории мы все знаем, что даже здесь на нашем физическом плане ни одна частица материи, хотя бы она даже и представляла собою часть наиболее плотного из твёрдых тел, не остаётся в покое ни на мгновение. Но после раскрытия астрального зрения это перестаёт быть для нас простой научной теорией, а становится действительным и очевидным фактом — мы осознаём мировую всеобщность жизни таким образом и в такой степени, какие нам до сих пор были недоступны. Наш умственный горизонт расширяется, и мы, поначалу отдельными озарениями, обнаруживаем в природе возможности, которые тем, кто лишён такого зрения, должны казаться самыми безумными мечтами.

Если таков эффект приобретения обычного астрального зрения и его применения к плотной физической материи, то попробуйте вообразить себе эффект, производимый на ум наблюдателя, оставившего физический план и основательно занявшегося ещё более живыми и бесконечно более быстрыми вибрациями жизни астральной. Он обнаружит, что в нём раскрывается новое трансцендентальное чувство, развёртывающее перед его восхищённым взором целый новый мир, значительно высший покинутого им, мир, быстрота вибраций которого настолько же превосходит скорость вибраций физического мира, насколько частота световых колебаний превосходит вибрации звука; мир, в котором вездесущая жизнь, непрестанно пульсирующая вокруг наблюдателя и в нём самом, относится к совершенно иному порядку и как бы возвышается до неизмеримо большего могущества.

Новый способ познания

Само то чувство, которым мы можем всё это познавать, является вовсе не наименьшим из чудес этого небесного мира. Наблюдатель больше не должен слышать, видеть и осязать посредством органов, отделённых друг от друга и ограниченных в своих способностях, как он это делает в нашем мире, и он приобретает даже не ту расширенную способность зрения и слуха, которой он обладал на астральном плане.

Вместо этого он чувствует в себе присутствие какой-то странной новой способности, которая не является ничем из предыдущих, но тем не менее заключает в себе их все и значительно их превосходит. Она позволяет ему, когда перед ним предстаёт какой-нибудь человек или предмет, не только его видеть и слышать, но ещё и мгновенно его познавать, изнутри и снаружи — его причины, его последствия, его возможности, по меньшей мере в том, что касается ментального плана и всех других планов, лежащих ниже его. Он обнаруживает, что думать для него — означает постигать и осознавать, и в непосредственном действии этого высшего чувства нет места никакому сомнению, колебанию или задержке. Думает ли он о каком-либо месте — он уже находится там, о каком-либо друге — его друг уже перед ним. Для него более не существует возможности недоразумений, и он уже не может быть обманут или введен в заблуждение какими-либо внешними видимостями, ибо каждая мысль и чувство его друга открываются перед ним на этом плане, подобно книге.

Если ему посчастливилось иметь среди своих друзей такого, чьё высшее чувство столь же развито, их общение будет столь совершенным, что превзойдёт все земные представления. Для них больше не будет расстояний и разлук, их чувства уже более не скрыты и не выражаются лишь в неуклюжих словах, вопросы и ответы для них уже излишни, так как умственные картины читаются ими в самый момент их образования, и обмен идеями оказывается столь же быстр, как вспышки возникновения этих мыслей в уме.

Для их изысканий открывается всякое знание — всё, которое не превосходит этого плана, уже и так столь возвышенного. Прошлое открывается им так, как будто происходит сейчас — нестираемые летописи, составляющие память природы, всегда в их распоряжении, и события истории — будь то древней или современной — развёртываются перед ними по их велению. Они более не зависят уже от милости историка, который часто, благодаря малой осведомлённости, тем самым обречён на большую или меньшую пристрастность. Они могут сами изучить любое интересующее их событие, с абсолютной уверенностью, что видят только "истину, всю истину и ничего, кроме истины". А если они могут достичь высших уровней ментального плана, то перед ними, подобно свитку, развернётся длинная последовательность их прошлых жизней. Они увидят кармические причины, сделавшие их теми, кто они есть, и ту карму, работа над которой их ожидает, прежде чем "длинный и грустный счёт будет закрыт", и таким образом с безошибочной уверенностью определяют своё точное место в эволюции.

На вопрос, читается ли будущее столь же ясно, как и прошлое, следует ответить отрицательно, так как способность чтения будущего принадлежит плану ещё более высокому, и хотя на ментальном плане предвидение в значительной мере возможно, то всё же оно не вполне совершенно, поскольку где бы в ткацкий станок судьбы ни вмешалась рука развитого человека, его могучая воля может внести туда новые нити и видоизменить узор будущей жизни. Судьба же человека заурядного, малоразвитого, и не обладающего совершенно никакой волей, сколько-нибудь достойной этого названия, часто может быть предвидима с достаточной ясностью, но когда его „я“ смело берёт будущее в свои руки, то всякое точное предвидение уже становится невозможным.

Среда

Первыми впечатлениями ученика, в полном сознании вступающего на ментальный план, вероятнее всего будут сильнейшее блаженство, неописуемая жизненность, необычайный прилив сил, и приходящая с ними совершенная уверенность. Что же он видит, когда испытывая свои новые способности, приступает к изучению окружающей его среды? Он оказывается посреди того, что ему представляется целой вселенной света, цветов и звуков, постоянно меняющихся, которой он никогда прежде не мог вообразить даже в своих самых возвышенных мечтах. В нашем мире, на самом деле, слава и блеск мира небесного являются вещами, которых "не видел глаз, не слышало ухо и не приходили они на сердце человеку",^{*} и тот, кто хоть один раз испытал это, будет уже всегда смотреть на мир совершенно другими глазами. И всё же, этот опыт столь непохож на всё известное нам на физическом плане, что пытаясь его описать, автор испытывает странное чувство беспомощности и своей совершенной неспособностью не только быть на высоте своей задачи, так как уже с самого начала он потерял всякую на это надежду, но и полнейшей невозможности дать хотя бы малейшее понятие о небесном мире тем, кто его никогда не видели сами.

Пусть человек представит себя плавающим в целом океане живого света, с чувством глубокого блаженства и необыкновенно увеличенными силами, о которых мы только что говорили, в окружении всяких мыслимых красот, какие только могут проявиться в цвете или форме; и всё это изменяется с каждой из ментальных волн, посылаемых его умом. Как вскоре обнаружит наблюдатель, это лишь выражение его мыслей в материи ментального плана и в его элементарной сущности, или эссенции. Ведь эта материя обладает той же природой, как и та, из которой состоит само ментальное тело; и потому вибрация частиц этого тела ума, называемая нами мыслью, непосредственно распространяется в окружающей ментальной материи, устанавливая в ней соответствующие колебания, а в элементарной сущности отпечатывается с абсолютной точностью. Конкретные мысли, естественно, принимают форму объектов мышления, тогда как абстрактные мысли обычно бывают представлены всеми видами совершенных и прекрасных геометрических форм. Однако не будем забывать следующего обстоятельства: многие мысли, являющиеся в нашем низменном мире немногим более чем простыми абстракциями, на этом значительно более высоком плане становятся конкретными фактами.

Таким образом видно, что в этом возвышенном мире всякий, желающий погрузиться на некоторое время в спокойное созерцание и уединиться от всего, что его окружает, может буквально жить в своём собственном мире, не опасаясь возможности чьего-нибудь постороннего вторжения, и ещё с тем преимуществом, что он будет видеть все свои идеи до их самых конечных последствий, проходящими перед его глазами как бы в виде панорамы. Если же он, напротив, пожелает изучать план, на котором он находится, ему необходимо на время тщательно приостановить мышление, чтобы творения его мысли не влияли на окружающую его впечатлительную материю и не изменяли все окружающие его условия.

Однако, это удержание ума не следует путать с умственной пустотой, к достижению которой направлены столь многие практики хатха-йоги. В этом последнем случае ум заглушается до полной пассивности, чтобы он не мог собственными мыслями сопротивляться никакому внешнему влиянию, стремящемуся воздействовать на него.

Это состояние очень похоже на состояние медиума, тогда как в первом случае ум настолько пробуждён и положителен, как это только возможно, и ограничивает себя мгновенной приостановкой своей мысли для того, чтобы не допустить в наблюдения, которые он собирается сделать, своего личного фактора.

Когда посетителю ментального плана удастся войти в это состояние, он заметит, что хотя он сам и перестал быть центром сияния в этом удивительном мире света и красок, форм и звуков, о которых я столь тщетно пытался дать понятие, они, несмотря на это, вовсе не перестали существовать — напротив, гармония и переливающееся сияние, которыми он окружён, лишь стали полнее и грандиознее.

Подыскивая объяснение этому явлению, он начнёт сознавать, что всё это великолепие не является каким-то бесполезным и случайным зрелищем, чем-то вроде северного сияния дэвачана. Он обнаруживает, что у всего этого есть смысл, который он и сам тоже может уловить, и вскоре он усваивает тот факт, что наблюдаемое им с таким восхищением — это просто чудесный цветовой язык дэв, выражение мыслей или разговор существ, стоящих гораздо выше его на лестнице эволюции. Благодаря опыту и практике он открывает, что и сам он также может пользоваться этим новым и удивительным способом выражения мыслей и уже, в силу самого этого открытия, вступает

^{*} Первое послание к Коринфянам, гл. II, стих 9.

в обладание новой и обширной областью владений, ожидающих его в этом небесном царстве — способности общаться с его возвышенными обитателями, не относящимися к человеческому царству, о которых мы расскажем полнее, когда перейдём к изложению соответствующей части нашего исследования, и учиться у них.

Теперь станет очевидно, почему было невозможно посвятить целый отдел этого сочинения описанию обстановки ментального плана, как мы это сделали относительно плана астрального — ведь в действительности ментальный мир не имеет никакой обстановки, кроме той, которую каждый решает создать для себя своей мыслью, если не считать того факта, что бесчисленные существа, находящиеся постоянно в движении перед наблюдателем, сами по себе зачастую представляют собой зрелище высочайшей красоты. Но всё же условия этой высшей жизни выразить в словах столь трудно, что лучше было бы сказать, что там существует всевозможная обстановка — она не лишена никакой из красот, которую могли бы дать земля, море или небо, только полнота и сила этого превосходит всякое воображение. Но из всего этого великолепия живой реальности всякий человек видит только то, что степень развития, достигнутого им во время его земной и астральной жизни, сделала его способным воспринять.

Великие волны

Если посетитель пожелает продвинуть свои исследования ментального плана далее и выяснить, каков он, когда его спокойствие не нарушается ничьей мыслью и никаким собеседованием его обитателей, то он может сделать это, окружив себя громадной оболочкой, непроницаемой для всех этих влияний, а затем (конечно же, сохраняя, как и ранее, умственное спокойствие) изучив условия, существующие внутри неё.

Если он проведёт этот эксперимент с достаточной тщательностью, то обнаружит, что море света стало хотя и не неподвижным, поскольку его частицы сохранили всю интенсивность и быстроту своих колебаний, но как бы однородным. Удивительной игры света и непрестанной смены форм больше не происходит, но зато он теперь может воспринимать другую, совершенно иную серию регулярных пульсаций, которую другие, более искусственные явления, прежде затмевали. Колебания эти, очевидно, повсеместны, поскольку никакая оболочка, которую в силах создать человек, не может прервать их или не пропускать. Они не производят изменений цвета и не принимают никакой формы, но с непреодолимой регулярностью протекают через всю материю ментального плана, наружу и вовнутрь, подобно вдохам и выдохам какого-то великого дыхания, превышающего наше понимание.

Есть несколько групп этих колебаний, чётко отличимых друг от друга по мощности, периоду и тону приносимой ими гармонии, но превосходит их всех одна великая волна, которая представляется самым сердцебиением всей системы, волна, которая истекая из неведомых центров на гораздо более высоких планах, разливает свою жизнь по всему миру, а затем, гигантским отливом, возвращается к Тому, из чего она изошла. Она движется длинной волнистой линией, и сопровождающий его звук походит на рокот моря. Однако к этому рокоту присоединяется торжествующая песнь, бесконечная, блестящая, непрерываемая — сама музыка сфер. Человек, раз услышав эту великолепную песнь, никогда её уже не теряет. Одним из низших твоих тонов она доносится до него даже на нашем мрачном, обманчивом физическом плане и постоянно напоминает ему могущество, свет и великолепие истинной жизни, царящей выше.

Если наблюдатель чист сердцем и разумом, и если он достиг известной степени духовного развития, то он может отождествить своё сознание с ходом этой чудесной волны, как бы погрузить в неё свой дух и позволить течению унести себя выше, её источнику. Это возможно, но вовсе не мудро, разве только если около него будет находиться учитель, который в нужный момент сможет удержать его от могучего притяжения — его непреодолимая сила унесла бы его гораздо выше к планам, сияния которых, бесконечно более сильного, его „я“ не могло бы выдержать, и он потерял бы сознание, причём было бы совершенно невозможно точно сказать, когда, где или каким образом оно бы к нему вернулось. Верно, что предельной целью человеческой эволюции является достижение единства, но человек должен достигнуть этой конечной цели в полном и совершенном сознании, как царь-победитель, торжественно вступающий в обладание принадлежащим ему по праву, а не плыть с потоком к полному поглощению в состоянии полной бессознательности, что мало отличается от уничтожения.

Низший и высший небесные миры

Всё, что мы до сих пор пытались описать, может быть приложимо лишь к самому низшему подразделению ментального плана, так как это царство природы, подобно планам астральному и физическому, насчитывает семь подразделений. Из них четыре низших уровня называются в литературе планами "рупа" или планами формы и составляют низший небесный мир, в котором человек среднего развития проводит долгое и безмятежное существование между двумя воплощениями. Три другие подразделения называются "арупа" или не имеющими формы и составляют высший небесный мир, в котором действует перевоплощающееся „я“ — это истинный дом человеческой души. Эти санскритские названия были даны по той причине, что на подпланах "рупа" каждая мысль облекается в некоторую определённую форму, тогда как на уровнях "арупа" она выражается, как мы это сейчас объясним, совершенно иным образом. Различие между этими двумя большими подразделениями ментального плана — рупа и арупа — очень разительно, и заходит так далеко, что приводит к необходимости использовать на них разные проводники сознания.

Проводник, соответствующий низшему небесному миру, — это ментальное тело, а высшему — каузальное тело, проводник, в котором действует перевоплощающееся „я“, и в котором оно из жизни в жизнь проводит время в течение всего периода своей эволюции. Другая огромная разница между этими двумя уровнями состоит в том, что в четырёх низших подразделениях может до некоторого предела существовать иллюзия — конечно не для лица, которое вступило сюда при жизни в полном сознании, но только для человека малоразвитого, приведённого сюда переменой существования, называемой смертью. Самые высокие мысли и устремления, которые он излучал во время своей земной жизни, группируются вокруг него и окружают его родом оболочки, образуя нечто вроде его собственного субъективного мира, и в этой небесной жизни он очень смутно воспринимает истинное великолепие этого плана, или вовсе не воспринимает, обычно полагая, что видимое им и есть всё, что можно здесь увидеть.

Однако неверно было бы считать это мысленное облако ограничением. Его назначение состоит в том, чтобы позволить человеку откликаться на некоторые вибрации, а не отсекал его от других. В действительности эти мысли, окружающие человека, являются средствами, позволяющими ему черпать в неиссякаемых источниках небесного мира. Сам ментальный мир является отражением Божественного Разума, безграничной сокровищницей, которой человек, наслаждающийся небесным блаженством, может пользоваться в точности сообразно силе своих собственных мыслей и устремлений, созданных им в течение физической и астральной жизни.

Но в высшем небесном мире этого ограничения уже нет, и хотя верно, что даже там многие „я“ сознают окружающий мир только очень слабо и как бы сквозь сон, тем не менее то, что они всё же видят, они видят верно, поскольку мысль там уже не принимает тех же ограниченных форм, как на более низких уровнях.

Действие мысли

Состояния ума человеческих обитателей разных подпланов мы полнее рассмотрим в посвящённых этому главах, но знание того, как действует мысль на низших и высших уровнях, столь необходимо для верного понимания этих больших подразделений, что стоит здесь дать подробный отчёт о некоторых экспериментах, сделанных нашими исследователями в попытке бросить свет на этот предмет.

Уже с самого начала этих исследований им стало очевидно, что на плане ментальном, как и на плане астральном, существует какая-то элементарная сущность, совершенно отличная от самой материи плана и откликающаяся здесь ещё более быстро, если только это возможно, чем на низшем плане, на действия мысли.

Но здесь, в небесном мире, где всё есть ментальная субстанция, мысль непосредственно воздействует не только на элементарную сущность, но и на материю, составляющую план. Следовательно, возникла необходимость попробовать различить эти два эффекта.

После многих не столь убедительных опытов был принят один метод, который давал весьма ясное представление об этих разных результатах. Один исследователь, остающийся в низшем подразделении, посылал там мыслеформы, между тем как другие поднимались до уровня, лежащего непосредственно выше, с тем чтобы наблюдать сверху то, что произойдёт, и избежать благодаря этому многочисленных поводов к ошибкам. В этих условиях попробовали послать одному отсутствующему другу, находившемуся тогда в далёкой стране, сочувственную и ободряющую его мысль.

Результат был весьма примечателен — вокруг экспериментатора во все стороны стало распространяться нечто вроде вибрирующей оболочки, образованной из материи плана, в точности как круг, образующийся в спокойной воде и расходящийся от того места, куда брошен камень, но с той разницей, что здесь это была сфера вибраций, распространяющаяся во многих измерениях, а не только по плоскости. Эти вибрации, подобно вибрациям, наблюдаемым на плане физическом, но гораздо более постепенно, теряли интенсивность по мере удаления от своего источника, пока, по всей видимости, наконец не затухали на огромном расстоянии, или по крайней мере, становились настолько слабыми, что воспринять их было нельзя.

Таким образом, на ментальном плане всякий человек является центром излучения мысли, причём эти лучи, исходя во всех направлениях, ни в малейшей степени не мешают другим лучам, в точности как на нашем плане это происходит с лучами световыми. Описанная сфера вибраций была многоцветной и переливающейся, но с удалением от центра её цвета также становились всё слабее и слабее.

Что же касается эффекта, произведённого упомянутым опытом на элементарную сущность плана, то он был совершенно иным. Мысль немедленно вызвала к существованию ясную форму, напоминающую человеческую фигуру, одноцветную, но представляющую множество оттенков этого цвета. Она молниеносно пронеслась через океан к тому другу, к которому была направлена добрая мысль; там, облачившись в элементарную сущность астрального плана и став, таким образом, обыкновенным искусственным элементом, свойственным этому плану, она стала ждать, как это излагается в нашем пособии "Астральный план", случая пролить на лицо, к которому она была обращена, несомые ею благоприятные влияния. Облачась в эту астральную форму, элементал значительно потерял в сиянии, хотя его яркий розовый цвет всё ещё был ясно виден через оболочку принятой им материи, показывая, что первоначальная мысль, точно так же, как она одушевляла элементарную сущность своего собственного плана, теперь вместе со своей формой, ментальным элементом, служит душой для элемента астрального. Здесь она близко следует способу, которым предельный чистый дух принимает на себя одну оболочку за другой по мере своего нисхождения через различные планы и подпланы материи.

Дальнейшие опыты, сделанные в том же направлении, открыли, что цвет посылаемого элемента изменялся сообразно характеру мысли. Как мы только что сказали, глубоко сочувственная мысль породила создание ярко-розового цвета; сильное пожелание исцеления, направленное к больному другу, вызывало элемента очень красивого серебристо-белого цвета; тогда как искреннее умственное усилие, предназначенное к тому, чтобы успокоить и укрепить ум лица, погружённого в уныние и отчаяние, имело результатом красивого сверкающего золотисто-жёлтого посланца.

Во всех случаях читатель заметит, что к эффекту излучения цветов и вибраций, произведённых в материи плана, присоединялась чётко определённая сила в виде элемента, направлявшаяся к тому человеку, к которому и обращалась мысль. Так неизменно было всегда, однако с одним примечательным исключением. Один из экспериментаторов, находясь на низшем подразделении плана, направил мысль, полную любви и совершенной преданности к адепту, бывшему его духовным наставником, и тогда наблюдатели, находившиеся выше, сразу заметили, что результат в некотором смысле противоположен предыдущему.

Прежде всего надо сказать, что ученик любого из великих адептов всегда связан со своим учителем постоянным током мыслей и влияний, что выражается на ментальном плане мощным лучом или потоком ослепительного света, включающего все цвета — и фиолетовый, и золотой, и голубой. И вероятно, можно было бы ожидать, что искренняя и любящая мысль ученика послала бы по этой линии особую вибрацию.

Вместо этого, однако, результатом оказалось внезапное усиление этого луча света и отчётливый поток духовного влияния по направлению к ученику. Из этого стало очевидно, что когда какой-либо ученик обращает свою мысль к учителю, то в действительности он оживляет свою связь с ним, тем открывая путь дополнительному приливу сил и помощи с высших планов. Похоже, что адепт как бы столь сильно заряжен влияниями, которые поддерживают и укрепляют, что всякая мысль, активизирующая канал связи с ним, не посылает потока к нему, как в обычном случае, но лишь шире раскрывает отверстие, через которое огромный океан его любви находит дополнительный выход.

На уровнях арупа отличие в действии мысли оказывается весьма заметным, особенно в том, что касается элементарной сущности. Возбуждение, произведённое в самой материи плана, не изменяется по своей природе, хотя в этом роде материи, гораздо более тонком, оно значительно

усиливается. Но никакой формы в элементарной сущности уже не создаётся — способ действия здесь совершенно иной. Во всех опытах, произведённых на низших планах, было обнаружено, что элементал находился возле лица, намеченного мыслью, изыскивая благоприятную возможность, чтобы разрядить свою энергию на ментальное тело этого лица, на его астральное тело или даже на его тело физическое. Здесь же результат был чем-то вроде молниеносного перехода сущности от каузального тела человека, посылающего мысль, к каузальному телу того, о ком он думал; так что в то время как на низших подразделениях мысль всегда направлена просто к личности, здесь мы влияем на само „я“, которое перевоплощается, то есть на истинного человека. Если же посланная нами мысль так или иначе касается личности, то эта последняя может её получить только свыше, через посредство своего каузального проводника — тела причинности.

Мыслеформы

Само собой разумеется, что мысли, видимые на этом плане, не все обращены к другим людям — многие просто выброшены в материю плана и плавают в ней. Их формы и цвета бесконечно разнообразны, так что изучение их составило бы целую науку, и науку в высшей степени захватывающую. Подробное описание их, если даже ограничиться главными категориями, заняло бы у нас гораздо больше места, чем мы можем посвятить этому вопросу, но некоторое представление о принципах, по которым их можно было бы классифицировать, можно получить из одной прекрасной статьи г-жи Безант в журнале "Lucifer" (который стал потом называться "The Theosophical Review") за сентябрь 1896 г.* В ней она полагает в основу всего три великих принципа, на которых основывается создание мыслеформ, порождённых умственным действием: 1) свойство мысли определяет её цвет; 2) природа мысли определяет её форму; 3) точность мысли определяет ясность очертания. Приводя примеры зависимости цвета от качеств мыслеформы, она продолжает: "Если астральное и ментальное тела вибрируют под влиянием благочестия, то на ауре распространяется голубоватый цвет, более или менее яркий, прекрасный и чистый, смотря по степени глубины, возвышенности и чистоты испытываемого чувства. В церкви наблюдатель может видеть, как рождаются подобные мыслеформы, вообще довольно смутные в своих очертаниях, но образующие клубящиеся массы голубых облаков. Очень часто их цвет бывает несколько загрязнён присутствию эгоистических чувств, и тогда голубой смешивается с коричневыми тёмными тонами и теряет свою яркость и чистоту. Но набожная мысль, исходящая от чистого сердца, имеет очень красивый цвет, подобный глубокой синеве летнего неба. Через эти голубые облака часто сияют чрезвычайно блестящие золотые звёздочки, поднимающиеся в виде фонтана искр.

Гнев показывается красным цветом всех оттенков, начиная с кирпично-красного и кончая ярко-алым; зверский гнев проявляется вспышками мрачно-красного цвета, сверкающими из тёмно-коричневых облаков, тогда как благородному негодованию соответствует живой алый цвет, не лишённый некоторой красоты, но вызывающий неприятный трепет.

Любовь посылает розовые облака различных тонов — от тускло-малинового оттенка, когда любовь отличается животным характером, розово-красного цвета, смешанного с коричневым, когда любовь эгоистична, и тускло-зелёного, когда она ревнива, до утончённо-розового, подобного первым лучам рассвета, когда любовь очищена от всего эгоистичного и истекает всё ширящимися кругами великодушной и безличной нежности и сострадания ко всем нуждающимся в этом.

Интеллект производит жёлтые мыслеформы, а чистый разум, обращённый к духовным целям, даёт очень тонкий и красивый жёлтый цвет. Когда же он направлен к целям более эгоистическим и могущим иметь тщеславный характер, то даёт более тёмные тона и, в этом случае, цвет приобретает более глубокий и яркий оранжевый оттенок." ("Lucifer", т. XIX, с. 71).

Конечно же, надо учитывать, что предыдущая цитата описывает сразу и ментальные мыслеформы, и астральные, и некоторым из упомянутых чувств для выражения требуется материя как плана высшего, так и низшего. Далее там приводятся примеры прекрасных форм, подобных цветам и раковинам, и принимаемых иногда нашими самыми возвышенными мыслями. Особо упоминаются и нередкие случаи, когда мысль, принявшую человеческую форму, могут спутать с привидением: "Мыслеформа может иногда принять вид своего автора. Если человек сильно хочет присутствовать в определённом месте или же посетить другое лицо и быть им увиденным, то

* Этому полностью посвящён совместный труд Ч. Ледбитера и А. Безант "Мыслеформы" ("The Thoughtforms"); книга снабжена многочисленными цветными иллюстрациями. Всё сказанное о цитируемой здесь статье полностью применимо и к этой книге, которая по сути является расширенным и дополненным её изданием. — Прим. пер.

мыслеформа может принять его образ настолько хорошо, что присутствующий в этом месте ясновидящий вероятно счёл бы это видение за появление своего друга в астральном теле. Такая мыслеформа может даже передать послание, если это было частью её содержания. В таком случае она пробуждает в астральном теле человека, до которого она доходит, вибрации, подобные её собственным, и они от астрального тела передаются мозгу, где могут быть переведены в мысль или фразу. Наконец, мыслеформа передаёт своему творцу, через посредство соединяющей их магической связи, вибрации, запечатлевшиеся в ней самой." Читатель, пожелавший хорошенько уяснить себе эту очень сложную часть нашего предмета, должен будет весьма тщательно прочесть всё сочинение целиком. Будучи сопровождено замечательно исполненными цветными иллюстрациями, оно позволяет тем, кто ещё не может видеть мыслеформы самостоятельно, приблизиться к пониманию того, что же в действительности они собой представляют, гораздо лучше, чем всё ранее написанное.

Подпланы

Если спросят, в чём же действительная разница между типами материи различных подпланов ментального плана, то нелегко будет ответить на этот вопрос, кроме как в общих словах, поскольку неудачливый писатель растрчивает все прилагательные в безуспешных попытках описать самый низший из них, и ему уже не остаётся ничего для описания остальных. И действительно, что можно сказать кроме того разве, что материя по мере того, как мы будем подниматься выше, становится всё более и более тонкой, гармонии — более полными и свет — более живым и более прозрачным?

По мере того, как мы восходим, звук обогащается обертонами, а цвет — большим количеством тонких переходных оттенков, и появляется всё больше и больше новых цветов, совершенно незнакомых физическому зрению. Правильно было сказано в выражениях поэтических, но очень точных: свет плана низшего есть темнота плана, лежащего над ним. Может быть, эта идея представится более простой, если мысленно начать сверху, а не снизу, и постараться осознать, что на высшем подплане мы найдём свойственную ему материю одушевлённой и оживлённой энергией, которая подобно свету струится сверху — с плана, который лежит всецело за пределами ментального. Переходя затем на второе подразделение, мы обнаружим, что материя нашего первого подплана служит энергией для второго, или, если выразиться точнее, первоначальная энергия плюс то материальное одеяние, которое она приняла, проходя первый подплан, является энергией, одушевляющей материю второго подплана. Таким же образом на третьем подразделении мы увидим первоначальную энергию, как бы дважды скрытую материей первого и второго подпланов, пройденных ею; так что достигнув седьмого подразделения, мы найдём первоначальную энергию, окутанную шестью слоями и ставшую потому значительно более слабой и менее деятельной. Процесс этот полностью аналогичен сокрытию атмы, изначального духа, когда в виде монадической сущности он нисходит для оживления материи планов космоса. И поскольку подобное часто происходит в природе, изучающий избавится от многих затруднений, если постарается ознакомиться с этой идеей.*

Хроники прошлого

Говоря об общем характере ментального плана, мы не должны упускать из виду постоянно присутствующий фон, состоящий из записей прошлых событий и являющийся памятью природы — эту единственную действительно достоверную историю нашей планеты. Хотя на этом плане присутствует не сама запись, а лишь отражение чего-то ещё более высокого, тем не менее эта история ясна, точна и непрерывна, отличаясь в этом от несвязных и спорадических проявлений, в каковых она предстаёт в астральном мире. Потому только когда ясновидящий обладает ментальным зрением, мы можем полагаться на даваемые им картины прошлого, и даже тогда, если он не обладает способностью переходить с ментального плана на физический в полном сознании, мы должны допускать возможность ошибок в переносе оттуда воспоминаний о виденном.

Что же касается исследователя, достигшего такого успеха в раскрытии своих скрытых способностей, что они позволяют ему пользоваться чувством, присущим ментальному плану, находясь в физическом теле, то перед ним открывается перспектива исторических изысканий завораживающего интереса. Он не только может по своей воле обозреть всю известную нам историю и исправить ошибки и ложные представления, вкравшиеся в дошедшие до нас отчёты, но ещё может и просмотреть, если захочет, всю историю мира с самого его начала, наблюдать медленное развитие

* См. "Древнюю мудрость" Анни Безант, с. 71 и примеч. к ней (гл. I).

человеческого разума, проследить схождение Владык Пламени и развитие основанных ими могущественных цивилизаций.

Но пределы его изучения не будут ограничены только прогрессом человека — перед ним, как в музее, предстанут все странные формы, животные и растительные, которые в те времена, когда мир был ещё молод, населяли Землю. Он сможет проследить все удивительные геологические изменения и наблюдать ход великих катаклизмов, которые вновь и вновь изменяли лицо Земли.

Многочисленны и разнообразны возможности, которые открывает доступ к этим хрониками — они настолько велики, что если бы даже это было единственным преимуществом, даваемым ментальным планом, то всё равно это сделало бы его более интересным, чем все лежащие ниже миры. Но когда к этому мы прибавим новую примечательную возможность обучения — привилегию прямого и беспрепятственного сообщения не только с представителями великого царства дэв, но и с самими Учителями Мудрости, затем отдых и освобождение от изнуряющего напряжения физической жизни, который приносит неизменное глубокое блаженство этого плана, и главное — необычайно возросшую способность развитого ученика к служению своим собратьям — людям, лишь тогда мы начнём получать какое-то слабое представление о том, что приобретает ученик, когда достигает права по своей воле и в полном сознании вступить в обладание своим достоянием в этом ярком царстве небесного мира.

ОБИТАТЕЛИ

Стараясь описать обитателей ментального плана, быть может, мы поступим хорошо, если разделим их на те же три больших класса, как это было сделано в книге "Астральный план" — на существ человеческих, нечеловеческих и искусственных.

Впрочем, здесь подразделения последнего класса будут менее многочисленны, поскольку продуктам злых страстей человека, столь обильным на астральном плане, здесь нет места.

I. Человеческое население

Совершенно таким же образом, как при изучении астрального мира, и здесь будет желательно подразделить человеческих обитателей ментального плана на две группы: тех, которые ещё привязаны к физическому телу, и тех, которые более к нему не привязаны — живых и мёртвых, как их обычно, но совершенно ошибочно называют.

Чтобы фундаментально изменить представления изучающего о той перемене, которая происходит в результате смерти, достаточно даже самого малого опыта высших планов — при раскрытии своего сознания на астральном, и тем более на ментальном плане, он сразу же осознаёт, что полнота истинной жизни есть такая вещь, которую никогда нельзя испытать в нашем мире, и что, расставшись с миром физическим, мы как раз переходим в истинную жизнь, а не уходим из неё. В нашем языке пока что нет терминов, удобных и точных для выражения этих условий существования. Может быть, только слова "воплощённый" и "невоплощённый" будут вообще наименее способными ввести в заблуждение. Итак, рассмотрим сначала тех из обитателей ментального плана, которых можно отнести к первой из упомянутых нами групп.

Воплощённые

Те человеческие существа, которые, ещё будучи связаны с человеческим телом, действуют тем не менее в полном сознании и в полной активности на ментальном плане, бывают неизменно или адептами, или их посвящёнными учениками, поскольку пока ученик не научен своим учителем, как пользоваться своим ментальным телом, он не может свободно передвигаться даже на низших уровнях этого плана. А чтобы быть активным и сознательным на высших уровнях во время физической своей жизни, нужно быть ещё более развитым, так как для человека это означает единство личности и индивидуальности — то есть он уже не просто личность, в большей или меньшей степени подверженная влиянию индивидуальности, но сама эта индивидуальность. Конечно, он заключён в тело, ограничивающее и сковывающее её, но тем не менее обладает силами и познаниями высокоразвитого „я“.

Эти адепты и посвящённые представляют для человека, достигшего возможности их видеть, великолепное зрелище — они видятся великолепными шарами света и цвета, отстраняющими от себя всякое вредное влияние, куда бы они ни направились, и действуют на всякого оказавшегося поблизости, как солнечный свет на цветы, распространяя вокруг чувство счастья и покоя, которое

зачастую сознают даже те, кто их не видит. Именно в небесном мире большей частью и совершается наиболее важная работа адептов, особенно на высших уровнях, где можно влиять непосредственно на индивидуальность. С этого плана они разливают в мире мысли наиболее могущественные духовные влияния; отсюда же они зачинают великие и благотворные движения всех видов. Здесь распределяется значительная часть духовной силы, освобождаемой благодаря высшему отречению нирманакай, и также ведётся прямое обучение тех учеников, которые достаточно продвинулись, чтобы получать его этим способом, поскольку здесь учение передаётся гораздо легче и полнее, чем на астральном плане. В дополнение ко всему этому ученики получают здесь большое поле деятельности по работе среди тех, кого мы называем умершими, но об этом будет уместнее дать объяснение в одной из последующих глав.

Наблюдатель с удовольствием удостоверяется в почти совершенном отсутствии той категории обитателей, которая на астральном плане неприятно обращала на себя внимание. Действительно, в мире, отличительной чертой которого являются альтруизм и духовность, чёрным магам со своими учениками, очевидно, нет места, так как вся деятельность тёмных школ основана на эгоизме, и изучение ими оккультных сил основано только на личных соображениях. Во многих из этих школ интеллектуальность действительно развита очень сильно, и вследствие этого материя, составляющая ментальные тела, обладает чрезвычайной активностью и чувствительностью в некоторых направлениях, но будучи неизменно связаны с каким-нибудь личным желанием, они могут выразиться только в низшей части ментального тела, почти неизвлекаемо вовлечённой у них в астральную материю. Как неизбежное последствие такого ограничения, активность этих лиц практически ограничена физическим и астральным планами. Может конечно случиться, что человек, вся жизнь которого носит характер зловредный и эгоистический, всё-таки время от времени посвящает некоторые минуты чисто отвлечённой мысли. Тогда он способен даже воспользоваться своим ментальным телом, если только он научился им управлять, но как только сюда примешивается личный элемент и делается попытка достигнуть какой-либо дурной цели, то мысль перестаёт быть абстрактной и человек снова оказывается действующим в родной ему астральной материи. Если можно так выразиться, то я сказал бы, что чёрный маг может действовать на ментальном плане только тогда, когда он забывает, что он чёрный маг.

Но даже если он это и забудет, то он всё-таки не будет видим на ментальном плане никем, кроме лиц, находящихся там сознательно, и никогда (это уж абсолютно невозможно) он не будет видим существами, наслаждающимися после своей смерти небесным покоем в этой области, потому что каждое из них столь изолировано в мире своих собственных мыслей, что ничто извне может нарушить их покоя, и потому находится в совершенной безопасности. Таким образом, оказывается вполне правильным прекрасное старинное описание небесного мира как места, "где злые перестают вредить и где усталые обретают покой".

Существа, находящиеся во сне или в трансе

Когда мы задумываемся об обитателях ментального плана ещё воплощённых, то сам собою возникает вопрос: возможно ли лицам обыкновенным во время их сна, или лицам психически развитым в состоянии транса когда-нибудь проникнуть на этот план. В обоих случаях это может случиться, но бывает крайне редко. Чистая жизнь и чистые намерения представляют непременные условия, но даже если эти лица достигнут ментального плана, они будут далеки от настоящей сознательности, и смогут воспринять лишь некоторые впечатления.

В качестве примера возможности попадания на ментальный план во сне мы можем упомянуть один случай, который произошёл во время опытов относительно сознания во время сна, производившихся Лондонской ложей Теософического Общества (отчёт о некоторых из них даётся в моём маленьком сочинении относительно сна).^{*} Читавшие этот трактат могут вспомнить, что умам различных типов спящих была представлена умственная картина прелестного тропического пейзажа, чтобы удостовериться, в какой мере они сохраняют о ней воспоминание после пробуждения. Один из наблюдавшихся случаев, как не относившийся специально к явлению сна и пропущенный из-за этого в напечатанном отчёте об этих опытах, как раз здесь послужит полезной иллюстрацией.

Это был случай особы с чистым умом и значительными, хотя и нетренированными психическими способностями, и представление ей упомянутой умственной картины дало в некоторой степени поразительный результат. Так сильна была благоговейная радость, и столь возвышенны и духовны были мысли, вызванные созерцанием этого великолепного вида, что

^{*} См. книгу Ледбитера "Сны. Что это такое и как они вызываются" — прим. пер.

сознание спящей особы полностью перешло в ментальное тело или, говоря другими словами, поднялось на ментальный план. Однако, не следует полагать, что она смогла сознавать всё окружающее на этом плане или истинные условия существования на нём — она была просто в состоянии обычного человека, попадающего туда после смерти. Находясь в море света и цвета, она тем не менее была всецело поглощена своими собственными мыслями, вне которых ничего не сознала, с восторгом созерцая представившееся ей зрелище и все внушаемые им идеи. Следует понимать, что это созерцание сопровождалось зрением более пронизательным, пониманием более совершенным и большей живостью мысли, что вообще характеризует ментальный план, и при этом глубочайшее блаженство, о котором мы так часто говорим, не претерпело ни малейшего перерыва. Спящая оставалась в этом состоянии несколько часов, совершенно не созная, казалось, течения времени; когда же, наконец, она пробудилась, то испытывала чувство глубокого мира и внутренней радости, которых даже не могла выразить, но тем не менее не сохранила никакого воспоминания о происшедшем. Однако, нет никакого сомнения, что подобный опыт, вне зависимости от того, удержан он физической памятью или нет, мог послужить определённым импульсом для духовной эволюции „я“.

Хотя из-за отсутствия достаточного количества экспериментов я бы не стал утверждать этого с чрезмерной уверенностью, но представляется почти установленным, что результат, подобный только что описанному, возможен лишь в случае с человеком, уже достигшим некоторой степени психического развития, и то же самое условие было бы ещё более необходимым для касания ментального плана месмеризированным субъектом, введённым в транс. Это настолько несомненно, что на тысячу обыкновенных ясновидящих вряд ли найдётся хоть один, который мог вообще его достичь. В редких случаях, когда ментальный план достигается, нужно не только, чтобы ясновидящий был исключительно развит психически, но чтобы и жизнь его и намерения были совершенно чисты; но даже когда все эти необычайные свойства налицо, всё ещё остаётся трудность, всегда испытываемая неопытным психистом, связанная с точным переводом на язык низшего плана то, что он видел на плане высшем. Все эти соображения только подчёркивают важность одного пункта, на котором мы так часто настаивали — необходимость тщательного развития всех психистов под руководством опытного наставника, прежде чем их их сообщениям может быть придан достаточный вес.

Невоплощённые

Прежде чем приступить к подробному рассмотрению условий, в которых находятся развоплощённые существа, пребывающие на различных подразделениях ментального плана, весьма важно понять вполне ясно разницу между уровнями рупа и арупа, о которых уже упоминали. На первом из них человек живёт полностью в мире своих собственных мыслей и продолжает полностью отождествлять себя с личностью, которая ему принадлежала во время его последней жизни; на втором же он — просто душа или перевоплощающееся „я“, которое, если оно достигло достаточного сознания на этом уровне, чтобы вообще что-либо ясно знать, понимает, хотя бы в некоторой степени, эволюцию, которой оно занято, и работу, которую ему нужно выполнить.

Не забудем, что эти два уровня в промежутках между смертью и рождением проходят все люди, хотя неразвитое их большинство столь мало сознательно на обоих из них, что вернее будет сказать, что они их просыпают. Тем не менее, будь то сознательно или бессознательно, но всякий человек должен коснуться высших уровней ментального плана, прежде чем произойдёт новое воплощение, и по мере продвижения его эволюции, это соприкосновение становится для него всё более определённым и более реальным. По мере развития он не только становится там более сознательным, но и время, проводимое им в этом мире, становится дольше.

Ведь фактически его сознание медленно, но верно поднимается через различные планы системы.

Например, первобытный человек в течение жизни сравнительно мало сознаёт любой план, кроме физического, а после смерти — любой, кроме нижних подпланов астрального; и практически то же самое мы можем сказать относительно совершенно неразвитого человека наших дней. Человек, несколько более продвинувшийся в развитии, уже начинает получать краткие периоды небесной жизни (на низших подпланах, естественно), но гораздо большую часть промежутка между воплощениями проводит на астральном плане. По мере его прогресса астральное существование сокращается, а небесное — удлиняется, пока, наконец, став интеллектуальным и духовно мыслящим человеком, он не станет проходить через астральный план почти без всякой задержки, приобретая радость долгого и счастливого пребывания на самых утончённых из нижних ментальных уровней.

Однако, к этому времени сознание истинного „я“ на его собственных, высших уровнях, пробуждается уже до весьма значительной степени, и таким образом сознательная жизнь на ментальном плане подразделяется на два периода, причём второй и более короткий из них проводится на высших подпланах в каузальном теле.

Затем вышеописанный процесс повторяется — жизнь на низших уровнях постепенно укорачивается, а высшая жизнь становится всё более долгой и полной, пока наконец не наступает момент, когда сознание объединяется — высшее и низшее „я“ становятся неразрушимо соединены, и человек больше не изолируется в облаке своих собственных мыслей, где он принимал то малое, что можно было сквозь него видеть, за весь окружающий его великий небесный мир. Тогда он осознаёт настоящие возможности своей жизни и в первый раз действительно начинает жить. Но к тому времени, когда он достигнет этих высот, он уже вступит на Путь и определённо возьмёт свой будущий прогресс в свои руки.

Качества, необходимые для достижения небесной жизни

Большая реальность небесной жизни в сравнении с жизнью земной становится очевидной, если выяснить, какие условия требуются для достижения этого высшего состояния существования. Ведь сами эти качества, которые человек должен приобрести ещё во время своей земной жизни, если хочет какого-либо посмертного существования в небесном мире, являются как раз теми, что лучшими и благороднейшими представителями человечества рассматривались, как истинно и неизменно желательные. Чтобы устремление или сила мысли дали результатом существование на этом плане, их преобладающей характеристикой должно быть бескорыстие.

Любовь к своему семейству или своим друзьям обеспечивает многим людям небесную жизнь; то же самое можно сказать и относительно религиозных чувств. Однако, было бы ошибкой предположить, что всякая любовь и всякая набожность должны после смерти непременно выразиться на этом плане — ведь очевидно, что каждое из этих двух качеств бывает двух разновидностей, и может быть эгоистическим или альтруистическим, и легко можно заключить, что только лишь второй вид каждого из них достоин названия благочестия и любви.

Есть любовь, которая полностью изливается на любимого, ничего не требуя взамен и никогда не думая о себе, а лишь о том, что можно для него сделать. Подобное чувство создаёт духовную силу, которая может выразиться вполне только на ментальном плане. Но существует и другая эмоция, называемая иногда любовью — это страсть требовательная и эгоистическая. Быть любимым — вот чего она в особенности желает. Она отличается постоянной заботой скорее о том, чтобы получить, чем давать; и весьма вероятно, что при малейшем предлоге или даже без всякого предлога она вырождается в ужасный порок — ревность. Такая „любовь“ не включает в себе даже семени ментального развития, и силы, приводимые ею в движение, никогда не поднимутся выше астрального плана.

То же самое верно относительно чувства, испытываемого довольно многочисленной категорией лиц религиозных и набожных, постоянно мыслью которых является вовсе не слава Божества, но гораздо более забота о том, как спасти свои жалкие души.

Невозможно не спросить себя, действительно ли они уже развили в себе какое-нибудь начало, достойное называться душой.

С другой стороны, существует истинное благочестие, никогда не думающее о себе и испытывающее к своему Божеству или своему руководителю только любовь и признательность, и воспламенённое желанием действовать для него или во имя его.

Подобное чувство часто приводит к продолжительной небесной жизни сравнительно возвышенного характера.

Конечно же, это бывает одинаково, каковы бы ни были божества или главы религий.

Последователи Будды, Кришны, Ормузда, Аллаха и Христа все одинаково получают свою долю небесного блаженства, продолжительность и качество которого зависят от живости и чистоты испытываемых ими чувств, и ни в малейшей степени — от предмета их обожания. Однако, последнее влияет на их возможность получать наставления во время этой высшей жизни.

Но человеческое благочестие, как и человеческая любовь, по большей части не бывает ни совершенно чисто, ни совершенно эгоистично. Поистине низкой должна быть такая любовь, в которой нет ни одной неэгоистичной мысли или бескорыстного побуждения; и с другой стороны, любовь, которая обычно благородна и совершенно чиста, может иногда оказаться смущённой внезапной вспышкой ревности или проскользнувшей мыслью о себе. Но во всех случаях закон вечной справедливости распознаёт безошибочно; и точно так же как краткая вспышка более

благородного чувства в неразвитом сердце непременно находит вознаграждение себе в мире небесном, даже если ничто иное в его земной жизни не дало душе возможности подняться выше плана астрального, так и грубая мысль, однажды затмившая святое сияние настоящей любви, отдаёт свою энергию в мире астральном, нисколько не вмешиваясь в течение великолепной небесной жизни, являющейся неизбежным результатом глубокой любви, испытанной во время долгих лет земной жизни.

Как человек впервые вступает в небесную жизнь Из вышесказанного можно видеть, что на ранних стадиях эволюции многие из отсталых „я“ никогда сознательно не достигают небесного мира, между тем как ещё более значительное число их достигают только относительно короткого соприкосновения с некоторыми из низших его подпланов. Всякая душа, конечно, перед новым воплощением должна удалиться в своё истинное „я“, находящееся на высших уровнях, но из этого вовсе не следует, что в этом состоянии она будет обладать чем-либо, что можно назвать сознанием. Мы более пространно рассмотрим эту часть нашего предмета, когда приступим к изучению планов арупа, а теперь, видимо, лучше начать с самого низшего из планов рупа и постепенно подниматься, так что мы временно оставим в стороне ту часть человечества, сознательное существование которой после смерти практически ограничено астральным планом, и перейдём к рассмотрению случая человека, который только что превзошёл такое состояние и в первый раз приобрёл незначительное и скоропреходящее сознание в низшем подразделении небесного мира.

Очевидно, существуют различные способы, позволяющие душе, находящейся на ранней стадии развития, сделать этот важный шаг вперёд, но для нашей нынешней цели нам достаточно и одного примера, и эта в чём-то трогательная маленькая история взята из реальной жизни — она была замечена нашими исследователями, когда они изучали этот вопрос. Агентом великих сил эволюции в этом случае была бедная швея, обитавшая в самом мрачном и убогом уголке наших ужасных лондонских трущоб Ист-энда, в смрадном дворе, куда с трудом проникают свет и воздух.

Эта женщина, естественно, была мало образована, так как её жизнь заключалась в долгой и тяжёлой работе при самых неблагоприятных условиях, но тем не менее это была особа чрезвычайно сострадательная и доброжелательная, исполненная доброты и любви ко всем, к ней приближавшимся. Её жилище было столь же бедным, как, вероятно, и всякое другое в этом дворе, но по меньшей мере её комнаты содержались чище и лучше, чем все остальные. У неё не было денег, которые она могла бы дать в случае, если какая-нибудь болезнь делала нужду кого-либо из её соседей более тяжкой, чем обыкновенно, но при подобных обстоятельствах она никогда не упускала случая присутствовать там всякий раз, когда только могла урвать минутку от своей работы, и предлагать со своим постоянным сочувствием заботу, которая была в её силах.

И вот она сделалась провидением грубых и невежественных фабричных работниц, а те смотрели на неё, как на ангела милосердия, помогающего и сострадательного, всегда находящегося при них в дни несчастья или болезни. Часто, после дня, проведённого за непрерывной работой, она бодрствовала половину ночи у изголовья одного из многочисленных больных, в которых никогда не было недостатка в этих трущобах Лондона, настолько условия существования в них противоречат всякому понятию о благополучии и здоровье. Во многих случаях признательность и любовь, пробуждённая её неиссякаемой добротой в сердцах этих бедных людей, были безусловно единственными возвышенными чувствами, которые только им приходилось испытывать за всё время их грубой и убогой жизни.

Если учесть условия существования, царившие в этом дворе, неудивительно, что некоторые из её пациентов умирали, и тут-то становилось ясно, что эта женщина оказывала им услугу гораздо большую, чем сама знала. В своей доброте она не только оказывала небольшую помощь в их временных бедствиях, но и придавала важный импульс их духовной эволюции. Ведь это были большей частью души, ещё мало развитые и принадлежащие к очень отсталой категории. Никогда, ни в одном из своих воплощений, они не пускали в ход тех духовных сил, которые одни только могли бы им обеспечить сознательное существование на ментальном плане. Теперь же они не только впервые увидели идеал, к которому они могли бы стремиться, но кроме того, сострадательностью этой женщины в них была пробуждена любовь, действительно свободная от всякого эгоизма. Сам факт того, что они испытывали столь сильное чувство, их возвысил и придал им больше индивидуальности, и таким образом, когда их пребывание на астральном плане закончилось, они получили своё первое переживание самого низкого уровня небесного мира. Для них это было, скорей всего, ещё только кратким и самым элементарным опытом, но он имел гораздо большее значение, чем это кажется с первого взгляда — ибо как только великая духовная энергия бескорыстия бывает

раз пробуждена, сами результаты её действия в небесном мире дают ей склонность возобновляться, и каким бы малым ни было это её первое истечение, оно всё же выстраивает в душе зачатки качества, которое непременно снова выразится в следующей жизни.

Вот каким образом сострадание и добрая воля бедной портнихи могли дать некоторым душам, менее продвинувшимся на пути эволюции, возможность сознательно испытать в первый раз духовную жизнь, которая не перестанет возрастать от одного воплощения к другому и будет всё больше и больше влиять в будущем на земные существования.

Этот случай, вероятно, предлагает объяснение тому, почему разные религии придают такое важное значение личному элементу в делах благотворительности — прямым отношениям между дающим и получающим.

Седьмой подплан — низшее небо

Самое низшее подразделение небесного мира, достигать которого помогала другим наша бедная швея, особенно характеризуется привязанностью — бескорыстной, но вообще говоря, довольно узкой. Здесь следует избегать возможности составить неверное представление. Когда говорится, что привязанность к семье даёт доступ на седьмой небесный подплан, а набожность — на шестой, то часто воображают, и это очень естественно, что особа, обладающая обоими этими качествами, и при том сильно развитыми, делит своё пребывание в небесном мире между этими двумя подразделениями, сначала долго вкушая блаженство в лоне семьи, а затем возвышаясь до следующего уровня, чтобы там дать выход духовным силам, порождённым её благочестивыми стремлениями.

Однако же, это совсем не то, что происходит в действительности. В рассматриваемом случае человек пробудился бы для сознания шестого подразделения, и там, вместе с теми, кого он так любил, он был бы занят высшей формой благочестия, доступной его пониманию. И если мы подумаем, то увидим, что это достаточно логично — ведь у человека, столь же способного на религиозную преданность, как и на простые чувства семейной привязанности, эта последняя добродетель, естественно, получит более высокое и широкое развитие, чем у человека, ум которого готов только для одного рода влияний. Это правило распространяется даже на самые высокие планы. План высший всегда может соединять качества плана низшего со свойственными ему самому, включая их в себя; в этом случае его обитатели почти всегда обладают этими первыми качествами в более полной мере, чем души менее возвышенного плана.

Когда мы говорим, что привязанность к своим близким является отличительной чертой седьмого подплана, то не следует из этого полагать, что любовь ограничена только этим подпланом. Правильнее будет сказать, что у человека, оказавшегося там после смерти, такая любовь к семье была высшим качеством — фактически единственным, которое и открыло ему доступ в небесный мир. Конечно же, на высших подразделениях встречается любовь, куда более высокая и благородная, чем всё то, что можно встретить на этом уровне.

Одно из первых существ, обнаруженных исследователями на седьмом подплане, представит нам вполне типичный пример того, чем являются его обитатели. При своей жизни человек, о котором я хочу говорить, был мелким лавочником, без сильного умственного развития или каких-то особенных религиозных чувств — просто маленький торговец, хотя честный и уважаемый. Конечно, он ходил регулярно в церковь по воскресеньям, так как это было принято и так подобало делать, но религия для него была чем-то вроде смутного облака, в котором он не понимал ничего. Она не имела в его глазах никакого отношения к повседневным делам и никогда не принималась им в учёт при решении своих проблем. Нашему торговцу недоставало глубокого благочестия, которое могло бы его поднять до следующего подплана, но к жене и близким он испытывал горячую привязанность, в которой было много самоотречения. Он непрестанно думал о них, и работал с утра до вечера в своей крошечной лавочке скорее для них, чем для самого себя. И когда после пребывания на астральном плане он наконец освободился от распадающегося тела желаний, то оказался на низшем подразделении небесного мира, окружённый всеми теми, кого он так любил.

Его умственное и духовное развитие было совершенно таким же, как и при жизни, так как смерть не даёт их внезапного роста; а среда, в которой он оказался со своим семейством, не была особо утончённой, поскольку просто представляла высшие идеалы нефизического наслаждения, доступные его сознанию при жизни на земле. Тем не менее он испытывал глубочайшее блаженство, какое только было ему доступно, а поскольку он не переставал думать о своём семействе гораздо больше, чем о самом себе, то несомненно развивал в себе альтруистические черты, которые,

встраиваясь в его душу в виде постоянных качеств, в будущем снова станут проявляться во всех его земных жизнях.

Я упомяну, как другой типичный пример, человека, умершего в то время, когда его единственная дочь была ещё маленькой. В небесном мире он всегда видел её подле себя, причём такой, какой она была в лучших своих проявлениях, и не переставал рисовать для её будущего самые прекрасные картины. Упомянем ещё одну девушку, погружённую в созерцание всех многочисленных совершенств своего отца, и приготовляющую ему в своём воображении разного рода приятные неожиданности и новые удовольствия. Вспомним, наконец, греческую женщину, счастливо проводившую время со своими тремя детьми, причём одного из них, красивого мальчика, ей нравилось представлять себе победителем на Олимпийских играх.

Поразительной особенностью этого подплана на протяжении нескольких последних веков является присутствие там большого числа римлян, карфагенян и англичан, причиной чему — то обстоятельство, что среди людей, принадлежащих к этим нациям, альтруизм находит выход в основном в виде привязанности к семейству. Наоборот, на этом плане сравнительно редко можно встретить индийцев и представителей народов, исповедующих буддизм, так как в их случае религиозные чувства обычно более непосредственно входят в их повседневную жизнь и потому дают им доступ на уровень более высокий.

Конечно же, среди наблюдавшихся случаев имело место бесконечное разнообразие — разные степени продвижения можно было различить по соответственной степени лучезарности, тогда как разница в цвете указывала на развитые исследуемыми людьми качества. Здесь любящие друг друга, унесённые смертью во время самого расцвета полной силы своей привязанности, всегда заняты, не обращая внимания на всех прочих, одним только любимым человеком. Среди них есть и почти дикари, например, один малаец — человек очень малоразвитый (мы бы отнесли его к стадии низших питри третьего класса, как это технически называется), которому его любовь к дочери позволила получить небольшой опыт небесной жизни.

Во всех этих случаях именно бескорыстная любовь дала этим людям их небеса; да кроме неё в их жизнях и не было ничего, что могло бы получить выражение на этом плане. В большей части наблюдавшихся случаев изображения любимых существ были далеки от совершенства, и поэтому истинные „я“, или души любимых друзей могли лишь слабо выразиться в этих формах, но во всяком случае даже худшее из этих выражений было гораздо более полно и удовлетворительно, чем когда-либо это удавалось в жизни физической. На земле мы видим наших друзей лишь частично, мы знаем только те их стороны, которые близки и нам; другие же стороны их характера для нас практически не существуют. Наше общение с ними и наше знание их здесь для нас значат очень много, и часто это — одна из важнейших вещей в нашей жизни; однако в действительности это знание и общение исключительно несовершенно. Даже в тех редких случаях, когда мы можем считать, что знаем человека вполне, — как тело, так и душу его, — мы всё же знаем лишь ту его часть, которая находится в проявлении на этих низших планах в известном нам воплощении, тогда как в его истинном „я“ остаётся гораздо большая часть, совершенно для нас недоступная. В самом деле, если бы нам было возможно благодаря прямому и совершенному зрению ментального плана увидеть в первый раз нашего друга во всей его полноте, встретив его после смерти, возможно, что мы его и не узнали бы. Конечно, это был бы совсем не тот любимый нами человек, которого мы, как думали, знали раньше.

Следует понимать, что живая привязанность, которая одна только может обеспечить присутствие одного человека в небесной жизни другого, представляет на этих высоких планах могущественную силу, которая восходит до души любимого человека и вызывает её ответ. Живость этого отклика, количество присутствующей в нём жизни и энергии зависят, естественно, от развития души существа, но не было случая, чтобы ответ этот не был совершенно реальным.

Конечно, душа, или „я“, вполне достижима только на её собственном уровне, в одном из арупа-подразделений ментального плана; но по крайней мере, на любом из уровней небесного мира мы приближаемся к ней гораздо ближе, чем в земной жизни, и потому при благоприятных условиях мы можем там узнать о нашем друге бесконечно больше, чем здесь, хотя впрочем даже при самых неблагоприятных условиях мы там будем гораздо ближе к реальности, чем когда-либо ранее были на низших планах.

При рассмотрении этого предмета нам следует учитывать два фактора, а именно — степени развития каждого из взаимодействующих людей. Если человек во время небесной жизни испытывает сильную любовь и при этом уже достиг некоторого духовного развития, то он создаст ясный и довольно совершенный мысленный образ своего друга таким, каким он его знал на земле,

изображение, через которое душа этого друга сможет выразить себя в весьма значительной степени. Но для того, чтобы этот последний мог вполне воспользоваться предоставленной ему возможностью, он и сам должен достигнуть довольно высокой степени эволюции.

Таким образом мы видим, что у несовершенного проявления могут быть две причины.

Изображение, созданное покойным, может быть столь смутным и неэффективным, что друг, даже достигший высокой степени развития, сможет найти ему лишь небольшое применение. С другой стороны, даже если будет создан хороший образ, развитие друга может оказаться недостаточным, чтобы позволить ему как следует им воспользоваться.

Тем не менее, тёплые чувства достигают души друга в любом случае, и какой бы ни была стадия её развития, она сразу же откликается, изливаясь в созданный для неё образ. То, в какой мере истинный человек может через него выразиться, зависит от двух уже упомянутых факторов — во-первых, качества образа, и во-вторых — того, насколько способна выразить себя эта душа. Но даже самый слабый образ, какой только можно создать на ментальном плане, гораздо более легко достижим для „я“, чем физическое тело, находящееся двумя планами ниже.

Если любимый друг ещё живёт на физическом плане, то он, конечно, совершенно не сознаёт того, что его истинное „я“ наслаждается этим добавочным проявлением, но это никак не меняет того факта, что проявление это реальнее и ближе к его истинному „я“ чем земное проявление, единственное, которое большинство из нас пока что может видеть.

Любопытно заметить, что поскольку человек может одновременно фигурировать в небесной жизни нескольких своих покойных друзей, он одновременно проявляется в каждой из этих различных форм, оживляя, может быть, в то же время здесь на земле физическое тело. Понять это, однако, совсем нетрудно всякому, кто представляет, как разные планы соотносятся друг с другом. Для души человека так же легко проявиться зараз в нескольких из этих изображений, как для нас — почувствовать одновременно давление нескольких предметов, находящихся в соприкосновении с различными частями нашего тела. Отношение одного плана к другому подобно отношению разных измерений: невозможно никакому количеству единиц одного измерения быть когда-либо равными единице другого, высшего измерения, и аналогично, никакое количество упомянутых проявлений не может исчерпать способности к отклику „я“, находящегося выше. Напротив, подобные проявления дают ему новую и ценную возможность развития на ментальном плане, которая является прямым результатом действий и качеств, вызвавших такое излияние любви, что происходит по закону божественной справедливости.

Очевидно, что по мере развития человека его возможности во всех направлениях растут. По мере продвижения он не только вызовет любовь и уважение у многих, тем получив в своё распоряжение множество сильных мысленных образов на ментальном плане, но и увеличит свою способность проявления и отклика через каждый из этих образов.

Это прекрасно иллюстрируется одним простым случаем, который недавно был замечен нашими исследователями. Одна мать, умершая около двадцати лет тому назад, оставила двух сыновей, которых она очень любила. Они, естественно, занимали самое заметное место в её небесной жизни, и также естественно, она их представляла такими, какими оставила их, то есть в возрасте пятнадцати или шестнадцати лет. Любовь, которую она не переставала изливать на эти ментальные изображения, в самом деле действовала как благотворительная сила, снисходящая на двух уже взрослых людей, живущих на земле, но влияла она на них не в равной степени — не потому что любовь к одному была сильнее, чем к другому, а потому что между самими изображениями была большая разница в жизненности. Этой разницы не существовало для матери, которая видела подле себя своих двух сыновей совершенно такими, как она желала, чтобы они были, но для наших исследователей было очевидно, что в одном из этих изображений было гораздо больше живой силы, чем в другом. Отыскивая причины столь любопытного явления, они открыли, что один из этих двух сыновей сделался обыкновенным деловым человеком — без особых пороков, но вовсе не духовно ориентированным, а что другой, наоборот, развил и укрепил в себе высокие и благородные стремления, став человеком достаточно утончённым и культурным. Благодаря такому образу жизни, сознание души у него развилось гораздо больше, чем у его брата, вследствие чего его высшее „я“ могло оживлять гораздо более полным образом изображение юноши, сформированное его матерью в её небесной жизни. В этот образ было вложено больше души, и потому он оказался более живым.

Дальнейшие исследования открыли множество подобных примеров, из которых было ясно видно, что чем более душа развита в духовном отношении, тем полнее она может выразиться в формах, которые обеспечивает ей любовь её друзей. А такое более полное выражение позволяет ей получать всё больше и больше пользы от живой силы той любви, что льётся на неё через эти

мыслеобразы. По мере того, как душа растёт, эти изображения выражают её всё полнее и полнее, пока она не достигает уровня Учителя и не начинает сознательно использовать их как инструменты для помощи и наставления своих учеников.

Только так возможно сознательное сообщение между теми, кто всё ещё заключён в физическом теле, и теми, кто перешёл в этот небесный мир. Как уже было сказано, душа может великолепно сиять через своё изображение в небесной жизни какого-либо своего друга, и при этом совершенно не знать об этом в своём физическом проявлении на земном плане, и даже полагать, что не может сообщаться со своим ушедшим другом. Но если она развила своё сознание до объединения, и потому может вполне владеть всеми своими способностями, даже находясь ещё в физическом теле, то она может сознать, ещё во время этой тусклой земной жизни, что находится, как и прежде, лицом к лицу со своим другом и что смерть, вместо того, чтобы унести прочь любимого человека, просто открыла перед ним более обширную и более грандиозную жизнь, постоянно нас окружающую.

Внешне друг будет очень походить на то, чем он был на земле и, однако, в облике его будет заметно какое-то необычное величие. В ментальном теле, как и в астральном, имеется воспроизведение тела физического, находящегося внутри внешнего овоида, вид которого в свою очередь определяется свойствами тела каузального. Это воспроизведение выглядит как форма из более плотного тумана, окружённая туманом более лёгким. Личность последней земной жизни продолжает чётко сохраняться до конца жизни небесной, и только когда сознание наконец удаляется в каузальное тело, это ощущение личности поглощается индивидуальностью, и человек впервые со времени своего предыдущего нисхождения в воплощение осознаёт себя как истинное и сравнительно постоянное „я“.

Иногда спрашивают, существует ли на ментальном плане чувство времени: перемежаются ли там день и ночь, сон и бодрствование? В мире небесном единственное пробуждение для человека, вступающего в эту жизнь, состоит в постепенном усилении восприятия её удивительного блаженства умственным чувством человека, а единственное засыпание — это столь же постепенное погружение в счастливую бессознательность, когда долгий срок небесного пребывания подходит к концу. Нам уже вначале описывали эту небесную жизнь как нечто вроде продолжения самых счастливых часов жизни человека, усиленных в своём блаженстве в сотни раз, и хотя это определение оставляет желать лучшего (как впрочем все определения, даваемые на физическом плане), оно всё же больше приближается к истине, чем представление о дне и ночи. Виды блаженства, по-видимому, меняются там до бесконечности, но смена сна и бодрствования не являются частью жизни этого плана.

За окончательным отделением ментального тела от астрального обычно следует период полной бессознательности, продолжительность которого варьируется в очень широких пределах — подобно периоду, который следует за физической смертью.

Пробуждение из него в активное ментальное сознание очень сходно с чувством пробуждения ото сна. Как случается иногда при пробуждении утром испытывать приятное чувство отдыха, во время которого человек сознаёт ощущение удовольствия, хотя ум ещё бездействует и тело почти что ещё не взято под контроль, так и при своём пробуждении в небесном мире человек проходит также более или менее продолжительный период блаженства, всё возрастающего, прежде чем будет достигнуто полное сознание этого плана. Когда это чувство удивительной радости впервые возникает в человеке, оно заполняет всё поле его сознания, но постепенно, по мере своего пробуждения, он обнаруживает, что окружён миром созданных им идеальных существ, свойства которых соответствуют природе того подплана, где он оказался.

Шестой подплан — второе небо

Преобладающее свойство, характерное этого подразделения, можно назвать религиозной антропоморфической набожностью. Различие между преданностью этого рода и религиозными чувствами, испытываемыми на втором астральном подплане, заключается в том, что первая лишена всякого эгоистического побуждения (человек, который её чувствует, совершенно не заботится о том, что принесёт она ему самому), тогда как во втором случае человек бывает движим надеждой извлечь какую-либо пользу и желанием её получить. Так что на втором подплане астрального плана религиозное чувство обязательно содержит в себе элемент личной выгоды, тогда как благоговейная вера, возносящая человека на шестой подплан небесного мира, совершенно свободна от этого налёта.

С другой стороны, эту стадию развития религиозного чувства, суть которой состоит в непрестанном благоговении перед каким-либо личностным божеством, нужно тщательно отличать от его ещё более высоких форм, которые находят выражение в совершении какой-либо работы ради

почитаемого божества. Несколько примеров, наблюдавшихся на это подплане, возможно, яснее покажут это различие, чем какое-либо иное описание.

Из существ, ментальная деятельность которых проявилась на этом уровне, многие относятся к восточным религиям. Однако, сюда входят лишь те, для кого характерно чистое и преданное чувство, но в сравнительно малой степени рациональное и интеллектуальное. Здесь можно встретить поклонников Вишну, воплотившегося в Кришну или в иных аватар, так же как и некоторых приверженцев Шивы. Каждый из них обёрнут в оболочку своих собственных мыслей, будучи наедине со своим собственным богом, забыв всё остальное человечество, за исключением тех случаев, когда его привязанность может ассоциировать с этим богом тех, кого он любил на земле. Например, один вайшнав был замечен поглощённым в экстатическое поклонение тому же самому образу Вишну, которому он делал приношения и во время земной жизни.

Среди находящихся на этом подплане самые характерные примеры представляют женщины, составляющие в действительности большинство его обитателей. Так, между ними была одна индусская женщина, муж которой стал для неё богом. Она также воображала себе дитя Кришну, играющего с её собственными детьми, но в то время как последние были очень реальны и человечны, маленький Кришна имел вид оживлённого деревянного образа голубого цвета. В то же время Кришна представлялся в её небесной жизни и в иной форме — нежного юноши, игравшего на флейте, но её несколько не беспокоило и не смущало такое двойное проявление.

Другая женщина, преданная Шиве, смешивала этого бога со своим мужем, видела во втором как бы проявление первого, и казалось, что один постоянно превращался в другого. В этом подразделении можно встретить и некоторых буддистов, но по всей видимости это исключительно наименее учёные из них, которые видят в Будде скорее объект поклонения, чем великого учителя.

Христианская религия также поставляет этому уровню множество обитателей.

Набожность без интеллекта, примером которой с одной стороны могут быть неграмотный крестьянин-католик, а с другой — искренний и преданный "солдат" Армии Спасения, даёт по всей видимости результаты очень сходные с уже описанными, поскольку такие люди тоже оказываются поглощены созерцанием своих представлений о Христе или Божьей Матери. Так, один ирландский крестьянин, погружённый в глубочайшее благоговение перед Девой Марией, представлял себе её стоящей на полумесяце, как на картине Тициана "Успение", но простирающей к нему руки и обращающейся с речью. Один средневековый монах в экстазе созерцал Христа на кресте, и такова была сила страсти его любви и жалости, что видя его кровавые раны, он силой воображения причинял себе такие же стигматы на ментальном теле.

Другой, похоже, совершенно забыв печальную историю распятия, не представлял своего Христа иначе, как сидящим на престоле славы, с волнующимся у ног кристальным морем и окружённым огромной толпой поклонников, среди которых находился и он сам с женой и семейством. Несмотря на всю глубину своей любви к семье, восхищение Христом занимало первое место в его мыслях. Однако его представление о Боге было столь материально, что он его себе воображал постоянно меняющимся, как в калейдоскопе, и принимавшего то форму человека, то агнца с хоругвью, изображение которого часто встречается на церковных окнах.

Одна испанская монахиня, умершая девятнадцати или двадцати лет, представляла для изучения больше интереса: переносясь в своей небесной жизни в эпоху земной жизни Христа, она видела себя сопровождающей его во всех событиях, описанных Евангелием, и заботящейся о Божьей Матери после распятия. В картинах, которые она себе представляла, костюмы и виды Палестины были неверны, так как Спаситель и его ученики в её воображении были одеты, как испанские крестьяне, холмы окрестностей Иерусалима были высокими горами, покрытыми виноградниками, а оливковые деревья были поросшими серым мхом, как это бывает в Испании. Это вполне естественно. Наконец, она видела себя принимающей мученичество за свою веру и восходящей затем на небо — но лишь для того, чтобы снова и снова пережить эту жизнь, в которой она находила столько поводов для восторга.

Наш ряд зарисовок жизни этого подплана можно завершить причудливым и милым примером небесной жизни ребёнка. Он умер в возрасте семи лет, и воспроизводил в небесном мире все религиозные рассказы, переданные ему ирландской няней на земле; особенно он любил мысленно играть с ребёнком Иисусом и помогать ему делать из глины воробьёв, которых божественное дитя, согласно легенде, одушевляло и заставляло летать.

Известно, что неразумная и слепая вера, о которой мы сейчас говорим, никогда не возносит тех, кто ей предаётся, на значительные духовные высоты, но следует помнить, что во всех случаях они бывают совершенно счастливы и полностью удовлетворены, так как всегда получают самое

высшее из того, что только способны оценить. Не обходится это и без весьма благотворного влияния на их будущее продвижение — хотя никакое количество подобной преданности не разовьёт интеллект, всё же она даёт способность к ещё более высокой форме религиозных чувств и в большинстве случаев также ведёт к чистоте жизни. Потому человек, живущий такой жизнью и получающий такие небеса, хотя и вряд ли будет быстро продвигаться по пути духовного развития, но по крайней мере, будет предохранён от многих опасностей, потому что весьма невероятно, чтобы в своей следующей жизни он впал в какие-либо грубые грехи и покинул свои благочестивые стремления для жизни скупца, честолюбца или развратника. Тем не менее, изучение этого подплана ясно подчёркивает необходимость следовать совету св. Петра: "покажите в вере вашей добродетель, а в добродетели рассудительность". Поскольку вера в своей простой форме приводит к столь странным результатам, то интересно было бы проследить за эффектом ещё более простого материализма, который ещё недавно был столь прискорбно распространён в Европе. Е. П.

Блаватская в "Ключе к теософии" говорит, что материалист не сознательен в мире небесном, потому что будучи на земле он не признавал существования загробной жизни. Однако вероятно, что наша великая основательница Теософического Общества придавала слову "материализм" значительно более узкий смысл, чем обыкновенно, так как в той же книге она утверждает, что после смерти для материалистов совершенно не может быть вообще никакой сознательной жизни, тогда для тех, чья ночная работа проходит на астральном плане, общеизвестно, что там можно встретить множество лиц, называемых обыкновенно материалистами, и что они оказываются вовсе не бессознательными.

Например, один известный материалист, близкий знакомый одного из членов нашего Общества, был недавно им встречен на самом высшем астральном подплане, где он, окружённый книгами, продолжал свои занятия, почти так же, как он это делал на земле. Спрошенный своим другом, он охотно признал, что все его прежние теории, благодаря непреодолимой логике фактов, им оставлены, но что его агностические наклонности ещё достаточно сильны, чтобы не дать ему признать существование ещё более высокого ментального плана, о котором рассказывал ему друг. В характере этого человека, несомненно, было много такого, что могло бы найти своё полное выражение лишь на ментальном плане, и поскольку его полное неверие в загробную жизнь не помешало ему получить астральный опыт, нет основания предполагать, что оно пресекло бы должное действие в нём более высоких сил в последующем небесном мире.

Конечно, этот материалист много потерял вследствие своего неверия; если бы он был способен понять красоту религиозного идеала, то последний возбудил бы в нём могучую благочестивую энергию, плоды которой он бы теперь пожинал. Всё это для него потеряно, но глубокая и бескорыстная любовь к семье, искренняя и неутомимая филантропия тоже были великими потоками энергии, которые должны принести плоды, причём нигде, кроме как на ментальном плане. Отсутствие одного рода энергии не может служить препятствием действию других.

Вот ещё один пример, наблюдавшийся уже после предыдущего. Один материалист, очнувшись от смерти на астральном плане, предполагал, что всё ещё живёт, но просто видит неприятный сон. К счастью для него, в группе, способной сознательно действовать на астральном плане, находился сын одного из старинных его друзей, получивший поручение его разыскать и помочь ему. Вполне естественно, материалист предположил, что молодой человек ему просто приснился, но получение сообщения от старого друга, касавшееся вещей, случившихся ещё до рождения посланца, убедило его реальности плана, на котором он оказался, и он сразу же проявил живейший интерес ко всем доступным сведениям о нём. Наставления, полученные им в этих обстоятельствах, несомненно, произвели на него очень заметное влияние, что основательно изменит не только предстоящую ему небесную жизнь, но и его следующее земное воплощение.

Показанное нам этими двумя и многими другими примерами вовсе не должно нас удивлять, поскольку мы могли лишь ожидать этого, исходя из нашего опыта физического плана. В здешней жизни мы постоянно убеждаемся, что природа никогда не делает скидок на незнание её законов — человек, убеждённый, что огонь не жжёт, тотчас обнаружит своё заблуждение, сунув руку в пламя. Точно так же и неверие в будущее существование нисколько не меняет естественного хода событий;

и по меньшей мере в некоторых случаях человек после смерти просто обнаруживает, что ошибался.

Род материализма, который имела в виду г-жа Блаватская в упомянутом замечании, вероятно, является более грубым и воинствующим, чем обычный агностицизм — это должно быть что-то

такое, что оставляло бы очень малую вероятность присутствия в человеке каких-либо качеств, для выражения которых потребовалась бы жизнь на ментальном плане.

Пятый подплан — третье небо

Основную характеристику этого подразделения можно было бы определить, как преданное служение, выражающееся в активной работе. На этом уровне христианин, например, не только обожает своего Спасителя, но видит себя отправляющимся в мир, чтобы трудиться для него. В особенности это подплан осуществления великих планов и замыслов, нереализованных на земле — например, великих организаций, вдохновляемых религиозной преданностью и обычно имеющих какие-либо филантропические цели. Будем помнить, однако, что по мере подъёма сложность и разнообразие увеличиваются, и хотя ещё можно будет дать общую преобладающую характеристику плана, мы всё чаще будем обнаруживать отклонения и исключения, которые уже не так легко подойдут под одну категорию.

Приведём типичный пример человека, впрочем, находившегося несколько выше среднего уровня, который приводил в исполнение грандиозный проект, имевший целью улучшить условия существования низших классов. Глубоко религиозный человек, он всё-таки понял, что самой главной заботой в отношении бедных является улучшение их физического существования. План, который он в небесной жизни осуществлял с большим успехом и тщательностью по отношению всех подробностей, часто поглощал его внимание при жизни, хотя он не имел возможности предпринять какие-либо его шаги к его выполнению.

Он думал, что обладая огромным состоянием, лучшее, что можно сделать, это приобрести и монополизировать одну из второстепенных сфер бизнеса, находившуюся в руках трёх или четырёх крупных фирм. Он надеялся таким путём, устранив конкуренцию, избавиться от связанных с нею расходов на рекламу и других подобных затрат, и добившись большой экономии, дать рабочим более высокий заработок, не повышая цен на продаваемый товар. В его план также входила покупка земли с целью построить на ней окружённые садами домики для своих рабочих. По прошествии известного числа лет рабочий получал право участия в прибылях предприятия, будучи, таким образом, гарантирован на старости лет от нужды. Таким путём он надеялся доказать, что христианство может соединяться с самыми практическими идеями, а с другой стороны, привлечь к своей собственной вере рабочих, признательных за благодеяния.

Можно привести и ещё аналогичный случай, а именно — с индийским принцем, идеалом которого был божественный царь-герой Рама. Взяв его за образец, он старался подражать ему в своей жизни и методах правления. Естественно, что на земле встречались всевозможные препятствия, повлекшие неудачи многих проектов, тогда как в небесной жизни всё шло хорошо, и всякое доброе намерение увенчивалось полным успехом — ведь конечно же, его работу личными советами направлял сам Рама, окружённый постоянным восхищением своих почитателей.

Личные религиозные труды демонстрирует интересный и даже трогательный пример одной монахини, принадлежавшей к деятельному, а не созерцательному ордену.

Очевидно, свою жизнь она основывала на священном тексте: "то, что сделали одному из малых сих, вы сделали мне". Пребывая теперь в небесном мире, она всё ещё в полной мере исполняла эти заповеди Господа: не переставала заботиться о больных, питать голодных, одевать неимущих, но с той особенностью, что каждый, кому она служила, в её глазах отождествлялся с образом Христа, которому она тогда с горячей преданностью поклонялась.

Приведём ещё весьма поучительный пример двух крайне набожных сестёр. Одна была инвалидом, а другая посвятила всю свою долгую жизнь заботам о ней. На земле они часто обсуждали и планировали филантропические и религиозные дела, которые они могли бы предпринять, если были бы на то способны. Теперь каждая из них занимает первое место в небесной жизни своей сестры. Больная — здорова и сильна, и каждая видит свою сестру, содействующую ей в выполнении планов, нереализованных в их земной жизни. Это является прекрасным примером того, как ровно продолжается жизнь у людей с бескорыстными целями, ведь единственная перемена, которую внесла смерть — исчезновение болезни и страдания, что сделало лёгким то, что ранее было невозможно.

На этом же уровне находит выражение и высший тип искренней и преданной миссионерской деятельности. Конечно, обычные невежды и фанатики никогда не поднимаются так высоко, но более благородные миссионеры, такие как Ливингстон, могут здесь найти близкое себе занятие, обращая множество людей в ту религию, которую им случилось проповедовать. Одним из наиболее поразительных примеров, замеченных нами, был случай с мусульманином, который воображал себя

работающим с крайним усердием над обращением мира в ислам и над его управлением согласно самым основным исламским принципам.

Представляется, что при некоторых обстоятельствах способности к искусству тоже могут привести их обладателей на этот подплан, но здесь нужно установить различие. Художник или музыкант, единственной целью которого является личная слава, или тот, кто позволяет себе предаваться чувству профессиональной ревности, естественно, вообще не вырабатывает сил, способных возвысить его до ментального плана. С другой стороны, то высочайшее искусство, служители которого считают его могучей силой, вверенной им для духовного подъёма своих братьев, найдёт выражение в ещё более высоких областях, чем этот подплан. Но между этими двумя крайностями есть те, кто преданы искусству ради искусства, или считают его приношением своему божеству, но никогда не думают о его воздействии на своих ближних. Они-то в некоторых случаях и могут обрести наиболее подходящие им небеса именно на этом подплане.

В качестве примера можно упомянуть одного очень религиозного музыканта, который считал все свои труды просто приношением Христу, но ничего не знал о великолепных звуковых и цветовых явлениях, создаваемых его вдохновляющими произведениями в материи ментального плана. Его воодушевление не пропадёт зря, так как помимо его ведома оно приносит многим радость и облегчение и доставит ему в будущем рождении более горячую веру и более могучий музыкальный гений. Но без более широкого стремления помочь человечеству почти неизменно будет повторяться именно такой вид небесной жизни. Если мы обратимся назад к трём подпланам, о которых мы только что говорили, то заметим, что во всех случаях они связаны с трудами из чувства преданности личностям — будь то члены своей семьи, друзья, или личные божества, а не с более широким преданным служением человечеству ради его блага, которое находит своё выражение на следующем подплане.

Четвёртый подплан — четвёртое небо

Деятельность на этом подплане, высшем из уровней рупа, столь разнообразна, что трудно объединить её в категорию, которой присуще какое-то одно характерное свойство. Быть может, лучше всего будет расположить её по четырём категориям — бескорыстное стремление к духовным познаниям; высокая философская или научная мысль; литературные или художественные таланты, применяемые бескорыстно; и служение ради служения. Более точные признаки каждого из этих классов будет легче понять, когда будут приведены несколько примеров каждого.

Естественно, что большинство населения этого подплана образуется из последователей тех религий, в которых признаётся необходимость приобретать духовные знания. Читатель вспомнит, что на шестом подплане мы обнаружили многих буддистов, религия которых приняла в общем форму поклонения основателю религии.

Здесь, наоборот, мы видим более разумных его последователей, главным стремлением которых было учиться у него, сидя у его ног и видя в нём скорее учителя, чем предмет обожания.

В небесном мире это высокое желание осуществлено; они поистине учатся у Будды, и образ его, который они создают — не просто пустая форма, но через него действительно сияет удивительная мудрость, могущество и любовь этого величайшего из учителей Земли. Потому они приобретают новые познания и более широкие взгляды, и последствия этого в их будущей жизни не могут не оказаться заметными.

Вероятно, они и не вспомнят каких-либо конкретных фактов из того, чему они научились (хотя когда такие знания встретятся им, то они интуитивно признают их истинность, и набросятся на них с жадностью), но приобретённые познания придадут им „я“ сильную склонность к более широкому и философскому взгляду на все подобные предметы.

Из этого сразу же видно, как подобная небесная жизнь определённо и бесспорно ускоряет эволюцию „я“, и наше внимание ещё раз обращается к тому огромному преимуществу, которое получают те, кто принял водительство истинных, живых и могущественных учителей.

Менее развитый вид подобных наставлений мы встречаем в тех случаях, когда какой-нибудь поистине великий и духовный автор стал для человека, изучающего его труды, живой личностью, другом, составляющим часть его умственной жизни — идеальной фигурой в его мыслях. Такой писатель может войти в небесную жизнь ученика, и благодаря высокому развитию своей души оживить созданный учеником мысленный образ и пролить дальнейший свет на учения, заключающиеся в его собственных произведениях, раскрывая их более глубокий и скрытый смысл.

Среди индусов многие, идущие по пути мудрости, обретают на этом плане свою небесную жизнь, по крайней мере в том случае, когда их наставники были людьми с действительными

познаниями. Некоторые из выдающихся суфиев и парсов также находятся на этом уровне; находим мы там и некоторых из ранних гностиков, духовное развитие которых обеспечило им продолжительное пребывание в этой области небесного мира. Но за исключением этого сравнительно небольшого числа суфиев и гностиков, ни ислам, ни христианство, похоже, не поднимают своих последователей до этого уровня, хотя некоторые лица, принадлежащие номинально к этим религиям, могут быть подняты до этого подплана благодаря присутствию в их характере качеств, не зависящих от учений, свойственных их религии.

Кроме того, в этой области мы находим последователей оккультизма, серьёзных и преданных, но недостаточно ещё продвинувшихся, чтобы получить право и силу отказаться ради блага мира от своей небесной жизни. Среди них находился человек, лично известный ещё при жизни некоторым из наших исследователей — это был один буддийский монах, который серьёзно изучал теософию и долго питал надежду однажды удостоиться чести получить наставления непосредственно от адептов — тех учителей, которые принесли её нам. В его небесной жизни Будда занимал первое место, в то время как два учителя, стоявших ближе к Теософическому Обществу, являлись как бы уполномоченными, истолковывающими и поясняющими его учение. Все три этих образа были наполнены силой и мудростью Великих Учителей, которых они представляли, и потому монах действительно получал уроки оккультных знаний, результат которых почти непременно приведёт его в следующей жизни на путь посвящения.

Ещё один пример, взятый из наших рядов, и обнаруженный на этом уровне, иллюстрирует ужасные последствия несправедливых и безосновательных подозрений.

Речь идёт об одной преданной и самоотверженной ученице, которая к сожалению почувствовала к концу своей жизни недостойное и неоправданное недоверие к своему товарищу и наставнице, г-же Блаватской. Нельзя было наблюдать без сожаления, до какой степени это подозрение в нечистоте мотивов лишало её высших влияний и учений, которыми она пользовалась бы в течение своей небесной жизни. Не то, чтобы в этих влияниях и учениях ей было отказано, ибо этого и не могло случиться, но её собственное умственное отношение делало её до некоторой степени невосприимчивой к ним. Конечно, она не сознавала этого и наслаждалась радостями полного и совершенного общения с учителями, но для исследователей было очевидно, что без этого прискорбного самоограничения она извлекла бы из своего пребывания на этом плане куда бóльшие преимущества. В её руках было сокровище любви, силы и знания, но её собственная неблагодарность лишала её способности его принять.

Следует понимать, что поскольку существуют и другие Учителя Мудрости, помимо тех, что связаны с нашим движением, и другие школы оккультизма, работающие примерно по тем же общим направлениям, что и та, к которой принадлежим мы, их ученики также часто встречаются на этом подплане.

Если мы перейдём теперь к следующему подразделению — отделу философской и высоко научной мысли, — то найдём там многих благородных и бескорыстных мыслителей, ищущих научного озарения и знаний исключительно для того, чтобы просветить своих ближних и помочь им. Мы не относим к философам тех людей на Западе и на Востоке, которые проводят время в многословных спорах по второстепенным мелочам, ибо такой вид дискуссий коренится в самомнении и эгоизме, а потому не помогает приблизиться к истинному пониманию фактов вселенной. Естественно, такие поверхностные споры не могут привести к результатам, способным развиваться на ментальном плане.

В качестве примера истинного философа, замеченного на этом подплане, мы можем упомянуть одного из поздних неоплатоников, чьё имя, к счастью, сохранили для нас летописи того времени. Всю свою земную жизнь он стремился овладеть учениями этой школы, и теперь, в своей небесной жизни, он раскрывает её мистерии и старается понять их отношение к жизни и развитию человека.

Приведём ещё одного астронома, который, похоже, начал свою жизнь как ортодокс, но постепенно под влиянием своих исследований расширил свои взгляды до пантеизма. В своей небесной жизни он с почтительным умонастроением продолжал эти исследования, и без сомнения, получал истинные знания от тех великих разрядов дэв, через которых на этом плане циклические перемены могущественных звёздных влияний, по всей видимости, выражаются наружно в вечно меняющемся сиянии всепроникающего живого света. Он был захвачен созерцанием огромной панорамы вращающихся туманностей и постепенно образующихся систем миров, и по-видимому, стал получать какое-то смутное представление об облике вселенной, которая виделась ему чем-то вроде огромного животного. Он был окружён элементарными формами в виде звёзд, в которых

выразились его мысли, и особым его удовольствием было вслушиваться в ритм торжественной музыки, могучих хоралов, порождённых движением светил.

Третьим видом деятельности, проявляемым на этом уровне, является тот высший тип литературы и искусства, который вдохновляется главным образом стремлением поднять уровень человечества и сделать его более духовным. Мы находим здесь всех величайших композиторов: Моцарта, Бетховена, Баха, Вагнера и других, распространяющих через небесный мир более чудные гармонии, чем их самые величайшие их произведения, которые им удавалось создать на земле. Похоже, что великий поток божественной музыки изливается в них из ещё более высоких областей, и как бы выделяется ими, делаясь их собственным, а затем рассылается по всему плану громадными волнами мелодий, делающих блаженство всех окружающих ещё больше. Те, кто действует на ментальном плане в полном сознании, могут ясно различить и глубоко оценить эти великолепные излияния, но даже развоплощённые существа этого подплана, каждое из которых обернуто своим мысленным облаком, также основательно подвергаются возвышающему и облагораживающему влиянию этих звучных мелодий.

Художники и скульпторы, которые проявляют своё искусство в благородных и бескорыстных целях, не перестают создавать и выражать все виды восхитительных форм на радость своим собратьям. Формы эти являются просто искусственным элементарными, созданными их мыслью. Эти прекрасные творения не только доставляют глубочайшее удовольствие тем, кто живёт всецело на ментальном плане — во многих случаях они могут быть схвачены умами художников, ещё облечённых физическим телом; они их вдохновляют и могут быть воспроизведены на земле, чтобы возвысить и облагородить ту часть человечества, которая борется в вихре физического существования.

Трогательную и красивую фигуру представлял из себя на этом плане один мальчик, бывший некогда певцом-хористом и умерший в возрасте четырнадцати лет. Музыка и юношеский энтузиазм к этому искусству всецело поглощали его душу, и он был глубоко убеждён, что выражая религиозные стремления толпы, наполнявшей огромный собор, он передаёт ей потоки небесного ободрения и вдохновения. Юноша умел петь — этим ограничивалось его образование, но он нашёл достойное применение этому благородному дару, стараясь олицетворить голос народа, возносящийся к небу, и небесный глагол, нисходящий к народу. Его единственным желанием было изучить возможно лучше музыку и применить её более достойным образом на благо церкви. В небесном мире его желание приносило плоды, и над ним склонилась странная, угловатая фигура средневековой святой Цецилии, заимствованная его любящим воображением из церковного витража. И хотя наружно это изображение представляло в грубых чертах церковную легенду сомнительной достоверности, за ним стояла живая и великолепная реальность — мыслеформу, созданную ребёнком, оживлял один из могущественных архангелов, принадлежащий к небесной иерархии пения, и через неё внушал ему более возвышенную музыку, чем все песнопения, которые когда-либо знала земля.

Здесь также был один из земных неудачников — ведь трагедия земной жизни иногда оставляет странные следы даже в небесных жилищах. В мире, где все мысли о любимых существах улыбаются человеку в образах друзей, он размышлял и писал в одиночестве. На земле он старался написать великую книгу, и ради этого отказался эксплуатировать свой литературный талант для того, чтобы зарабатывать на пропитание. Однако на его книгу никто не хотел смотреть, и он в отчаянии бродил по улицам, пока голод и печаль не свели его в могилу. Всегда отшельник, он не имел в молодости друзей и отгородился от семьи, а в зрелом возрасте мог работать только по-своему, отвергая советы тех, кто мог бы склонить его к более широкому взгляду на возможности жизни, чем его идеи касательно земного рая, который он мечтал для всех создать.

Теперь в его ментальной жизни не было ни одного существа, которое он любил бы как личность или даже как воображаемый идеал, но он видел, как перед ним простирается та утопия, о которой он мечтал и ради которой старался жить. Он видел безличные множества людей, которым он жаждал служить, и радость об их радости возвращалась к нему, делая его уединение раем. Родившись снова, он несомненно вернётся на землю со способностью не только строить планы, но и достигать своих целей, и его небесное видение частично воплотится в более счастливых земных жизнях.

На этом уровне ментального мира встречалось также много тех, кто на земле посвятил себя помощи ближним, потому что сознавали узы братства, предаваясь служению скорее ради самого служения, чем для того, чтобы умиловать какое-то божество. С полным знанием и спокойной мудростью разрабатывают они огромные планы благотворительности и усовершенствования мира, в

то же время приобретая способности, которые потом помогут осуществлять их на более низком плане земной жизни.

Реальность небесной жизни

Те критики, которые несовершенно усвоили теософическое учение о загробной жизни, возражали иногда, что жизнь обыкновенного человека в низшем небесном мире — ни что иное, как сон или иллюзия. Считает ли он себя счастливым у семейного очага или со своими друзьями, исполняет ли он свои проекты с радостью и полным успехом — он в действительности является только жертвой жестокой иллюзии. Иногда противопоставляют этому воображаемому блаженству прочную действительность рая, обещанного православием. Ответить на это возражение можно двояко. Во-первых, когда мы изучаем проблему будущей жизни, вопрос заключается не в том, которая из этих гипотез нам представляется более приятной (это, в конце концов, дело вкуса), а в том, чтобы определить, какая из них вернее. Во-вторых же, более полное исследование фактов нам покажет, что придерживающиеся теории иллюзии рассматривают вопрос с неверной точки зрения, поняв эти факты совершенно превратно.

Прежде всего, истинное положение дел может открыть всякий, кто при жизни развил способность сознательно переходить на ментальный план; и предприняв такое исследование, он обнаружит, что виденное им прекрасно согласуется со сведениями, полученными от Учителей Мудрости через посредство великой основательницы нашего Общества, г-жи Блаватской. Это сразу отбросит вышеупомянутую теорию "прочной действительности" и переложит бремя доказательства на наших друзей-ортодоксов.

Во-вторых, если заявляют, что на низших уровнях небесного мира человек не знает ещё полной истины, и следовательно, иллюзия там ещё существует, то мы открыто признаем, что это так. Но обычно не это имеется в виду теми, кто выдвигает возражение, касающееся иллюзии. Большинство из них пугает мысль, что небесная жизнь будет более призрачной и более бесполезной, чем земная, но это мнение совершенно неправильно, и ничто не может быть дальше от действительности.

Разве мы не утверждали, что на ментальном плане мы сами создаём обстановку, и именно по этой причине видим лишь его малую часть? Здесь, на земле, мир, который мы сознаём, тоже никогда не является всем внешним миром, но только той его частью, которую наши чувства, наш разум и наши знания позволяют охватить.

Очевидно, что в земном своём существовании человек среднего развития имеет обо всём, его окружающем, ошибочное, ложное и во всех отношениях несовершенное понятие. Что знает он о великих силах — эфирных, ментальных и астральных — стоящих за всеми видимыми им явлениями и фактически составляющих самую важную их часть? Что знает он вообще об окружающих его физических силах, менее скрытых, но встречающихся ему на каждом шагу? Поистине, здесь на земле, как и в небесной жизни, он живёт в мире, который он в значительной степени создаёт сам. Ни здесь, ни там, он этого не сознаёт, но единственная тому причина — его собственное невежество, так как лучшего он не знает.

В небесном мире человек принимает свои мысли за реальные вещи? Но он совершенно прав, делая так — они и есть реальные вещи, и на этом плане мысли только мысль и может быть реальной, там нет действительности вне мысли. Там мы признаём этот великий факт, а здесь — нет, так на котором плане заблуждение больше? Эти мысли в мире небесном являются поистине действительностью и способны произвести на живущих людей самое поразительное воздействие, которое не может не быть благотворным, поскольку на этом плане может существовать лишь любящая мысль. Из этого видно, что теория об иллюзорности небесной жизни — просто результат недопонимания; она свидетельствует о неполном знакомстве с её условиями и возможностями. Истина в том, что чем выше мы поднимаемся, тем более приближаемся к единой реальности.

Возможно, для начинающего будет легче понять, насколько реальна и естественна эта высшая часть человеческой жизни, если он будет смотреть на неё просто как на результат, который дала её предыдущая часть, проведённая на двух низших планах.

Все мы хорошо знаем, что здесь на земле никогда не достигается самый возвышенный идеал, что наиболее возвышенные стремления наши не оказываются вполне плодотворными. В результате может казаться, что некоторые усилия наши были напрасны, а какая-то энергия — потеряна. Но мы знаем, что так быть не может, потому что закон сохранения энергии действует на высших планах точно так же, как и на низших. Значительная часть высшей духовной энергии, испускаемой человеком, не может подействовать на него во время земной жизни, так как пока его высшие

принципы не освобождены от бремени плоти, они не могут откликаться на эти более утончённые вибрации. Но в небесной жизни это препятствие впервые устраняется, и накопленная энергия незамедлительно изливается в неизбежной реакции, которой требует закон вечной справедливости. Как великолепно выразился Браунинг, Ничто хорошее не пропадает Что было, будет жить, как прежде Зло есть ничто, оно лишь нуль, оно — молчанье, В котором можем мы услышать голос блага.

Здесь на земле видны всего лишь части круга Но в небесах круг совершенный существует И всё то доброе, чего желали мы, на что надеялись и что нам снилось Само, а не земным подобием, живёт там непременно Ведь голос красоты, добра и блага Не отзвучит совсем — он ждёт его пославших Чтоб снова встретить этих музыкантов Когда пробьёт тот час, что вечностью назначен И идеал, что оказался на земле недостижимым И подвиг, бывший слишком для земли великим И чувство, оторвавшееся от земли, чтоб потеряться в небе Всё это песня, посланная к Богу любящим певцом Ему достаточно её услышать лишь однажды Для нас же она будет вновь и вновь звучать Стоит также учитывать, что устройство загробной жизни, установленное природой, является единственным, предоставляющим ей возможность дать каждому столько счастья, сколько он только способен испытать. Если бы был только один вид небесного блаженства, как учат ортодоксальные религии, то нашлись бы всегда люди, которые бы им пресытились или которые не могли бы им насладиться из-за неразвитости их вкуса в этом направлении или из-за неподготовленности. Надо ли добавлять, что если бы небесная жизнь продолжалась вечно, то было бы крайне несправедливо награждать всех одинаково, не считаясь с их личными заслугами.

И опять же, разве можно представить более подходящее устройство небесной жизни для родственников и друзей? Если бы покойный мог следить за переменчивой судьбой своих близких, оставшихся на земле, то счастье было бы для него невозможно. Если бы, с другой стороны, не зная их положения, он должен был бы для свидания ждать их смерти, то ему пришлось бы пережить период мучительного ожидания, часто растягивающийся на многие годы, не говоря уж о том, что за это время его друг мог бы настолько измениться, что не возбуждал бы уже в нём прежней симпатии.

Но в системе, столь мудро предусмотренной для нас природой, все эти затруднения устранены. Человек сам определяет характер и срок своей небесной жизни теми причинами, которые он закладывает в своей земной жизни; он неминуемо получает в точности то, что заслужил, и именно тот вид счастья, который лучше всего соответствует его склонностям. Те, кого он больше всего любит, всегда с ним и проявляют наиболее благородные и возвышенные черты своего характера. Наконец, между ними не возникает даже тени несогласия, потому что он всегда получает от своих друзей лишь то, чего он сам желает. Фактически, существующее устройство небесной жизни несравненно превосходит любой рай, который могло бы создать человеческое воображение, чего впрочем и следовало ожидать — ведь все эти умопостроения были лишь представлениями человека, тогда как истинная действительность — это идеи Бога.

Отречение от небесной жизни

Изучающим оккультизм уже давно известно, что среди способов ускорить свой прогресс, которые приходят к человеку по мере его продвижения, есть один, заключающийся в "отречении от награды дэвачана", как это называют. То есть это отказ от блаженства жизни в небесном мире между воплощениями, чтобы скорее вернуться к своей работе на физическом плане. Выражение, которое я заключил в кавычки, не вполне удачное — мы составим себе более верное понятие о небесной жизни, если будем рассматривать её скорее как неизбежный результат земной жизни, чем как вознаграждение. В ходе физического существования человек своими высшими мыслями и устремлениями запускает в действие то, что можно назвать некоторым количеством духовной силы, которая будет воздействовать на него по достижении им ментального плана. Если эта сила невелика, она исчерпается сравнительно быстро, и небесная жизнь будет кратковременной. Если же, наоборот, будет накоплено много этой силы, то для её затраты потребуется соответствующее время, и небесная жизнь будет очень продолжительной.

По мере развития духовности человек дольше пребывает в небесном мире, но не следует полагать, что его прогресс от этого замедляется, и он на время лишается возможности быть полезным своим ближним. Райское блаженство необходимо для всех, не достигших очень высокого развития; только его условия допускают развитие их стремлений в возможности и претворение их опыта в мудрость. Таким образом, душа совершает гораздо больший прогресс, чем если бы каким-либо чудом она могла весь период оставаться в физическом воплощении. Будь это иначе, очевидно, что закон природы сам бы себе перечил, ибо чем больше он приближался бы к достижению своей великой цели, тем решительнее и яростнее были бы его усилия по предотвращению этого

достижения. Это вряд ли разумное представление о законе, который, как мы знаем, является выражением высочайшей мудрости!

Возможность отречения от небесной жизни существует далеко не для всех. Великий закон не позволяет человеку ни слепо отречься от того, чего он сам ещё не познал, ни отклоняться от нормального хода эволюции, если нельзя быть уверенным, что такое отклонение не послужит в конечном счёте его благу.

Общее правило состоит в том, что никто не может отказаться от небесного блаженства, не испытав его в течение земной жизни, т.е. не развившись до такой степени, чтобы быть в состоянии возвысить своё сознание до ментального плана и сохранить ясное и полное воспоминание о его славе, столь превосходящей всякие земные представления.

Небольшое размышление сделает обоснованность и справедливость этого положения очевидными. Могут сказать, что поскольку в действительности здесь речь идёт о прогрессе души („я“), то было бы достаточно, чтобы на своём плане она поняла желательность отречения от небесного блаженства и побудила принадлежащую ей личность действовать в соответствии с её решением. Однако, вряд ли это будет справедливо — ведь хотя наслаждение небесным блаженством на уровнях рупа и принадлежит „я“, оно принадлежит ему лишь в проявлении через его личность. Это жизнь личности, со всем знакомым ей личным окружением, переносится в низший небесный мир. И прежде чем может произойти отречение от всего этого, личность должна ясно осознать, от чего она отказывается — по этому вопросу низший ум должен быть в полном согласии с высшим.

Но такое осознание, очевидно, предполагает владение во время земной жизни сознанием ментального плана, эквивалентным тому, которое данный человек обретёт после смерти. Не надо забывать также, что эволюция сознания совершается как бы снизу вверх, и сравнительно неразвитое большинство представителей человечества является вполне сознательным только в физическом теле. Их астральные тела по большей части ещё бесформенны и плохо организованы; если они и являются связующими звеньями между их „я“ и физическими телами, и даже проводниками для чувственного восприятия, то всё же никоим образом не представляют собой инструментов в руках истинного человека или адекватных выражений его будущих способностей на этом плане.

У более продвинувшихся народов астральное тело значительно более развито, и потенциально многие из их представителей могут обладать в нём полным сознанием, хотя даже тогда человек остаётся полностью эгоцентричным и сознаёт в основном свои собственные мысли, и лишь немного из своего действительного окружения.

Некоторые из тех, кто приступил к изучению оккультизма, сделали ещё шаг вперёд, пробудившись на астральном плане, и таким образом вступили в полное владение своими астральными способностями, получая от этого разнообразные и значительные преимущества.

Тем не менее, из этого вовсе не следует, что такие люди обязательно сразу же, или даже через некоторое время после этого пробуждения, станут помнить на физическом плане деятельность и переживания своей астральной жизни. Как правило, им это удаётся частично и временами, но бывают случаи, когда по разным причинам ничто достойное названия воспоминаний не может найти себе путь в физический мозг.

Любая разновидность сознания на ментальном плане, разумеется, указывает на ещё более высокое развитие. В случае человека, развивающегося вполне нормально и правильно, мы должны ожидать рассвета такого сознания только тогда, когда уже хорошо установлена связь между астральным и физическим. Но в этом искусственном состоянии одностороннего развития, которое мы называем современной цивилизацией, люди не всегда развиваются правильно и нормально, и потому могут встретиться случаи, при которых значительная доля сознания на ментальном плане приобретена и должным образом соединена с астральной жизнью, но никакие знания обо всём этом высшем существовании в физический мозг не проникают.

Подобные случаи очень редки, но несомненно, существуют, и заставляют предполагать, что наши правила допускают исключения. Личность такого типа может быть уже достаточно развита, чтобы вкушать неопишемое райское блаженство и так приобрести право от него отречься, не будучи однако в состоянии перенести воспоминание об этом отречении далее своей астральной жизни. Но поскольку предположительно эта астральная жизнь для личности является вполне сознательной, подобного воспоминания было бы вполне достаточно, чтобы удовлетворить требования справедливости, даже если бы в состоянии бодрствования человек не имел обо всём этом и тени воспоминания. Главное здесь то, что отречается личность — она должна сначала пережить дэвачан, а потом перенести эти воспоминания на какой-либо план, на котором она может действовать нормально и в полном сознании, но этот план не обязательно должен быть физическим, если

требуемые условия выполняются и на астральном. Однако такое вряд ли может произойти, если человек не является по меньшей мере учеником, принятым на испытание одним из Учителей Мудрости.

Человек, решивший совершить этот великий подвиг, должен искренне стараться сделать себя достойным инструментом тех, кто помогает миру, и с полным самопожертвованием посвятить себя духовному благу своих ближних. Ему не следует высокомерно считать себя уже достойным такой чести, но надлежит скромно надеяться, что после одной или двух жизней серьёзных усилий Учитель скажет ему, что пришло время и для него получить такую возможность.

Высший небесный мир Оставив четыре низших уровня ментального плана, или рупа, на которых человек действует в своей временной личности, рассмотрим теперь три высших уровня, или арупа — его истинный и сравнительно постоянный дом. Здесь, насколько он может видеть вообще, он видит ясно, так как он поднялся выше личностных иллюзий и искажающей среды своего низшего „я“. Хотя его сознание может быть смутным, сонным, и вряд ли можно будет сказать, что он бодрствует, то, что он всё же увидит, будет верным, хотя и ограниченным. Условия деятельности сознания здесь настолько далеки от всего того, что нам знакомо на земле, что все термины, известные психологии, здесь не годятся и могут лишь ввести в заблуждение. Этот уровень ментального плана был назван миром нуменов, в противоположность миру феноменов, миром вне форм в отличие от мира форм. Тем не менее, это всё же мир проявления, и мир реальный в сравнении с нереальностями низших состояний, и формы он всё же содержит, какими бы тонкими и разреженными по своей сути они ни были.

Когда кончается период, называемый небесной жизнью, для души открывается новая фаза существования, предшествующая её возрождению на земле. Хотя эта стадия у большинства людей непродолжительна, тем не менее её следует упомянуть, если мы хотим дать полное представление о сверхфизической жизни человека.

Мы постоянно составляем себе неверное представление о жизни человека, потому что привыкли к частичному и одностороннему взгляду на неё, полностью упуская из виду её истинную природу и цель. Фактически, обычно мы рассматриваем жизнь с точки зрения физического тела, и ни в коей мере — со стороны души, и потому видим всё в совершенно искажённых пропорциях. Каждое движение нашего „я“ к низшим планам и обратно на самом деле образует огромный круговой путь. Мы же берём малый фрагмент нижней дуги этого круга и считаем его прямой линией, придавая непомерное значение точкам её начала и конца, в то время как истинный поворотный пункт полностью от нас ускользает. Постарайтесь в течение некоторого времени рассмотреть вопрос в том виде, в котором он предстаёт истинному человеку, находящемуся на своём собственном плане существования, с того момента, когда он начинает быть вообще сознательным на этом плане. Повинуясь возникающему у него желанию к проявлению, пробуждаемому в нём законом эволюции, который и есть воля Логоса, он повторяет деяние Логоса, изливаясь в низшие планы.

В ходе этого он облекается материей различных планов — ментального, астрального и физического, — которые он проходит в своём неуклонном стремлении вовне. В начале того краткого существования на физическом плане, которое он называет своей жизнью, сила, влекущая его к внешнему проявлению, ещё велика, но обыкновенно к середине жизни она истощается, и начинается обратное движение вовнутрь.

Никакого резкого изменения не происходит, поскольку движение происходит по дуге всё того же круга, не имеющей никаких углов. Это соответствует достижением планетой афелия в ходе своего движения по орбите. Тем не менее, это истинный поворотный пункт в этом малом цикле эволюции, хотя обычно он у нас ничем не бывает отмечен. Но в древнеиндийском укладе жизни он был отмечен концом периода грихастха, то есть того этапа в земной жизни человека, когда он исполняет обязанности главы семьи.

С этого момента все силы человека должны были устремиться вовнутрь, а его внимание всё больше отвлекаться от обычных земных вещей и сосредоточиваться на высших планах, из чего мы сразу видим, насколько плохо современные условия европейской жизни способствуют истинному прогрессу.

Момент, когда человек оставляет своё физическое тело, не является особенно важной точкой на этой дуге эволюции. Он вовсе не так важен, как следующее изменение, которое мы можем назвать смертью на астральном плане и рождением в небесном мире, хотя в действительности это просто перенос сознания из астральной материи в ментальную в ходе того же равномерного удаления, о котором мы уже говорили.

Окончательный результат жизни выясняется, лишь когда в процессе этого удаления сознание снова сосредотачивается в „я“, вернувшись домой — в высший небесный мир; тогда-то и становится видно, какие новые качества приобрёл человек в ходе этого малого цикла своей эволюции. Здесь человек может бросить взгляд на всю прошедшую жизнь. Душа на мгновение получает вспышку ясного сознания, и видит результаты недавно завершённой жизни и кое-что из того, что последует из этого в следующем рождении.

Вряд ли можно сказать, что этот беглый взгляд даёт знание природы следующего воплощения — кроме как в самом приблизительном и общем смысле. Главная цель будущей жизни будет, несомненно, видна, но основная ценность этого видения — послужить душе уроком, показав кармические последствия её прошлых поступков. Это предоставляет ей возможность, которой она может воспользоваться в большей или меньшей мере соответственно степени своего развития.

Сначала душа мало пользуется этой возможностью, поскольку весьма слабо сознательна и мало способна понимать факты и их разнообразные взаимоотношения, но постепенно её способность понимать всё ею видимое растёт, а позже она приобретает свойство вспоминать подобные же вспышки сознания, пережитые в конце прежних жизней, и сравнивать их, таким образом оценивая своё продвижение по дороге, которую ей надлежит пройти.

Третий подплан — пятое небо

Этот подплан, низший из всех подразделений арупы, является также самым населённым из всех областей, с которыми мы ознакомились, так как здесь находятся почти все шестьдесят миллиардов душ, которые, как нам сказано, участвуют в нынешней человеческой эволюции. Здесь присутствуют все, кроме тех сравнительно немногих, которые способны действовать на втором и первом подпланах. Каждая душа представлена здесь в яйцеобразной форме; поначалу это просто бесцветная, почти невидимая плёнка, еле сохраняющая свою целостность, но по мере того, как „я“ развивается, оболочка принимает радужные оттенки, подобно мыльному пузырю; оттенки эти переливаются на поверхности, как отражения солнечных лучей в брызгах водопада.

Составленная из невообразимо тонкой и нежной материи, очень живая и пульсирующая живым огнём, в ходе эволюции она становится шаром, сияющим разными цветами, высокие вибрации которого посылают по его поверхности переливающиеся оттенки цветов, неизвестных на земле — они одновременно и яркие, и мягкие, и блестящие, так что обычным языком их совершенно невозможно описать. Прибавьте к великолепию египетского заката чудесную мягкость вечернего неба в Англии, и увеличьте их яркость и прозрачность настолько, насколько они сами превосходят цвета из детской коробки с красками. Но даже тогда красоту этих сияющих шаров, сразу врывающихся в поле зрения ясновидящего, как только он поднимется на этот уровень высшего мира, не представить тем, кто её не видел.

Все эти каузальные (причинные) тела наполнены живым огнём, берущимся в высшего плана. Связь каждого шара с ним выглядит как вибрирующая нить яркого света, при виде которой сразу вспоминаются слова из станц Дзиан: "Искра свисает из Пламени на тончайшей нити фохата". По мере того, как душа растёт и становится способной всё больше открыться неистощимому океану божественного духа, изливавшемуся по нити, как по каналу, нить расширяется, предоставляя потоку более широкий проход, пока на следующем подплане она не сделается подобной смерчу, соединяющему небо и землю. Ещё выше она превращается в огромный шар, через который изливается живой источник, пока каузальное тело не растворяется в поглощающем его свете. Станца продолжает: "Нить между Наблюдателем и его тенью с каждой переменной становится всё более крепкой и сияющей. Утренний солнечный свет перешёл в величественное сияние полудня. Вот твоё нынешнее колесо, сказала Пламя Искре. Ты — это я, мой образ и моя тень. Я облечён в тебя, а ты мой вахан до дня "Будь с нами", когда ты снова сама станешь мною и другими." Души, связанные с физическим телом, можно отличить от душ, наслаждающихся развоплощённым состоянием, по разнице вибраций на поверхности шаров, так что на этом уровне с первого взгляда бывает легко определить, находится ли сейчас индивидуальность в воплощении. Огромное их большинство — в теле или вне его — находится в сонном, полусознательном состоянии, однако простые бесцветные оболочки встречаются очень редко. Вполне бодрствующие души представляют собой видные и блестящие исключения, сияя среди толпы остальных, как звёзды первой величины. Среди этих последних и менее развившихся существует большое разнообразие в величине и красоте цветов, таким образом каждая точно демонстрирует степень достигнутой эволюции.

Большинство душ, даже в самом высоком доступном им сознании, ещё не могут понять цель или законы эволюции, в которую они вовлечены. Они ищут воплощения, повинувшись Космической

Воле, а также танхе — слепой жажде проявленной жизни, желанию найти какую-нибудь область, где они могут получать ощущения и сознать, что живут. Ведь на ранних стадиях своего развития души не могут чувствовать очень быстрых и проникающих колебаний высокоразреженной материи их собственного плана — более сильные и грубые, но сравнительно медленные движения более тяжёлой материи физического плана являются единственными, могущими вызвать в них отклик.

Так что лишь на физическом плане они могут вообще почувствовать, что живы, отсюда их страстное желание вновь родиться к земной жизни. Таким образом, это желание некоторое время вполне согласуется с законом их эволюции. Такие души могут развиваться только с помощью внешних толчков, на которые они постепенно начинают откликаться, и на этой стадии они могут воспринимать их только в земной жизни. Медленно и постепенно их способность к отклику растёт, и они сначала пробуждаются к более высоким и тонким из физических колебаний, а затем, ещё медленнее, к колебаниям астрального плана, после чего их астральные тела, бывшие до сих пор промежуточной ступенью передачи впечатлений к душе, постепенно становятся вполне организованными проводниками, которыми можно пользоваться, и сознание начинает сосредотачиваться скорее в эмоциях, чем в чисто физических ощущениях.

На более поздней стадии, хотя и при помощи того же процесса отклика на импульсы извне, души учатся сосредоточивать своё сознание в ментальном теле — жить среди созданных ими самими умственных образов и в соответствии с ними, таким образом управляя эмоциями с помощью ума. Двигаясь ещё дальше по этому долгому пути, центр перемещается в каузальное тело, и тогда души осознают свою истинную жизнь.

К этому времени их можно обнаружить уже на подплане высшем, чем тот, который мы описываем, и низшее земное существование уже не является для них необходимостью.

Но сейчас мы рассматриваем менее развитое большинство, которое пока что нерешительно, ощупью протягивает свои щупальца в океан личностной жизни. Через эти личности они присутствуют на низших планах жизни, но пока что ни в коей мере не сознают, что эти личности являются инструментами, позволяющими им питаться и расти. Они не видят ничего из своего прошлого или будущего, не будучи ещё сознательны на своём плане; однако, благодаря опыту, который они мало-помалу приобретают и усваивают, в них пробуждается ощущение, что одни вещи хороши, а другие — плохи, и это несовершенно выражается в связанной с ними личности как зачатки совести, чувство правильного и неправильного. Постепенно, по мере их развития, это чувство всё яснее устанавливается в их низшей природе и становится таким, что они уже могут руководствоваться им в своём поведении.

Используя возможность, предоставляемую вспышкой более полного сознания, упомянутой ранее, наиболее продвинувшиеся души этого подплана развиваются до такой степени, что при изучении своего прошлого они прослеживают заложенные в нём причины и многому учатся на этом опыте. Импульсы, посылаемые ими вниз, становятся более ясными и определёнными, и выражаются в низшем сознании в виде твёрдых убеждений и ведущей интуиции.

Едва ли необходимо повторять, что мысленные образы уровней рупы не переносятся в высший небесный мир; всякая иллюзия прошла и каждая душа знает своё истинное родство, видит своих близких и себя в своей собственной царственной природе — истинным бессмертным человеком, переходящим из жизни в жизнь, со всеми неразрывными связями своего истинного существа.

Второй подплан — шестое небо

От рассмотренной нами густонаселённой области мы переходим к миру, менее обитаемому. Кажется, как будто мы перенеслись из мегаполиса в мирную деревню, так как на нынешней стадии человеческой эволюции лишь незначительное меньшинство индивидуальностей смогло подняться на этот более возвышенный уровень, среди обитателей которого даже наименее развитые определённо сознают и себя, и окружающее. Души этого уровня, будучи способны по меньшей мере в некоторой степени обзирать своё прошлое, осведомлены о назначении и методе эволюции; они знают, что заняты самосовершенствованием, и распознают стадии физического и посмертного существования, через которые они проходят в своих низших проводниках. Такая душа смотрит на личность, с которой связана, как на часть себя, и старается направлять её, используя свои знания о прошлом, как сокровищницу опыта, позволяющую формулировать ясные и непреложные принципы поведения, а также убеждения о том, что правильно, а что нет. Она посылает их в свой низший ум, чтобы управлять его деятельностью и контролировать её. Хотя на раннем этапе жизни на этом подплане ей никак не удаётся заставить этот ум логически понять основания принципов, которые она в него

закладывает, впоследствии она достигает успеха в передаче этого впечатления, и такие абстрактные идеи, как истина, справедливость и честь становятся определяющими и неоспоримыми принципами в низшей ментальной жизни.

Некоторые правила поведения, установленные обществом, нацией и религией, которыми руководствуется человек в повседневной жизни, могут быть отмечены мгновенным искушением, непреодолимым желанием и страстью; но есть вещи, которых развитой человек совершить не может, так как они против самой его натуры — он не может солгать, предать, или совершить какой-либо иной бесчестный поступок. В глубине его существа укоренились известные принципы, и их невозможно уничтожить никакими натисками обстоятельств или искушений, так как эти принципы идут от жизни души. Однако, даже когда душе удаётся направлять свой низший проводник, её знание о его жизни и поступках зачастую бывает далеко от ясного и точного. Она видит низшие планы лишь смутно, понимая скорее их главные принципы, чем их подробности, и часть её эволюции на своём плане состоит в том, чтобы войти в более сознательное и непосредственное соприкосновение с личностью, столь несовершенно представляющей её на низших планах.

Из этого будет понятно, что на этом подплане живут лишь души, настойчиво стремящиеся к духовному росту; а потому они весьма восприимчивы к влияниям с высших планов. Соединительный канал растёт, расширяется и даёт проход более сильному току. Под этим влиянием мысль приобретает особую ясность и проницательность даже у менее развитых людей, что выражается в низшем уме как склонность к философскому и абстрактному мышлению. У тех, кто более развит, видение простирается очень далеко — их проницательный взгляд обзирает прошлое, улавливает причины, следит за их последствиями и определяет те из них, которым ещё предстоит произойти.

Души, живущие на этом уровне, имеют широкие возможности для роста, когда они освобождены от физического тела, так как они могут получить там сведения от более развитых существ и войти в непосредственные контакты со своими наставниками. Не через мысленные образы, но неопишуемой яркой звездоподобной вспышкой передаётся теперь сама суть идеи от одной души к другой. Связи идей выражаются в виде волн света, исходящих из центральной звезды, и не нуждаются в отдельном изложении. Мысль тут подобна светильнику, помещённому в комнате — все окружающие предметы освещаются, и их описание уже не требуется.

Первый подплан — седьмое небо

На этом, самом великолепном уровне ментального мира, пока что можно встретить лишь немногих представителей нашего человечества, ведь на его высотах обитают лишь Учителя Мудрости и Сострадания, а также их посвящённые ученики. Что можно сказать о красоте, в которую здесь облечены формы, цвета и звуки? Язык смертных речь не имеет слов для выражения этого великолепия. Достаточно сказать, что оно действительно существует, и в нём живут некоторые представители нашего человечества. Это плоды посеянного на низших планах, залог того, что такими же станут и другие. Эти люди завершили свою ментальную эволюцию, и высшее в них сияет сквозь низшее; они сняли со своих глаз обманчивую пелену личности и осознали, что они — не низшая природа, но лишь пользуются ею, как средством для приобретения опыта. У менее развитых из них она ещё может явиться помехой, сковывающей их действия, но никто из них никогда не впадёт в ошибку, приняв проводник за стоящее за ним „я“. От этого их спасает сохранение непрерывности сознания — не только при переходе от одного дня к другому, но и из жизни в жизнь. Так что их прежние существования не представляются для них прошедшим: они всегда присутствуют в их сознании, и человек ощущает их скорее одной жизнью, чем многими.

Находясь на подобной высоте, душа сознаёт низший небесный мир так же, как и свой собственный, и если в небесной жизни своих друзей она представлена в виде мыслеформ, то может дать им самое полное применение. Находясь на третьем подплане, и даже на низшем уровне второго, душа лишь смутно сознавала нижележащие подпланы, и деятельность её в мыслеформе была во многом инстинктивной и автоматической. Но когда она хорошо осваивается на втором подплане, её видение быстро проясняется, и она с удовольствием распознаёт в этих мыслеформах проводники, через которые она в некоторых отношениях может проявить больше себя, чем могла в личности.

Теперь, когда она действует в каузальном теле, среди сияющего света и великолепия высших небес, сознание действует мгновенно и безукоризненно во всех пунктах низших подразделений, на которые обращается её внимание. Потому она может намеренно посылать дополнительную энергию в мыслеформу, если захочет использовать её для передачи учения.

С этого высшего уровня ментального мира исходит бóльшая часть влияний, распространяемых Учителями Мудрости, работающими для эволюции человечества. Они действуют непосредственно на души людей, изливая на них энергии вдохновения, стимулирующие их духовный рост, просветляющие ум и очищающие чувства. Отсюда гений черпает своё озарение, здесь все возвышенные усилия получают водительство.

Как солнечные лучи, исходя из одного центра, освещают все тела, каждое из которых использует их сообразно своей природе, так и старшие братья человечества проливают на все души свет и жизнь, ведь распространять его и является их назначением. Каждый из нас использует из этого столько, сколько может усвоить, и этим растёт и развивается. Таким путём, как и повсюду, высшая слава небесного мира проявляется в служении, и завершившие ментальную эволюцию становятся источниками сил, подкрепляющих тех, кто ещё поднимается на эти высоты.

II. Нечеловеческое население

Стараясь описать встречающееся на ментальном плане нечеловеческое население, мы тотчас же сталкиваемся с непреодолимым затруднением, так как, коснувшись седьмого неба, мы впервые имеем дело с планом космического протяжения, на котором поэтому может встретиться множество существ, для описания которых нет слов в человеческом языке. Чтобы не выходить за пределы настоящего сочинения, вероятно, будет лучше не заниматься исследованием этих огромных сонмов существ, имеющих космическую сферу деятельности, и ограничиться в своих заметках только существами, свойственных ментальному плану нашей собственной цепи миров.

Читатель, может быть, не забыл, что в своём сочинении об астральном плане мы поступили подобным же образом, не делая попыток описания существ других планет и систем. И хотя пришельцы этого рода, лишь случайно встречающиеся на астральном плане, куда более многочисленны на ментальном, я всё же предпочту ещё раз последовать этому правилу. Потому целесообразно будет лишь посвятить несколько строк элементарной сущности этого плана и тем разрядам великого царства дэв, которые особо с ним связаны. Крайняя трудность в изъяснении даже этих сравнительно простых представлений убедительно покажет, насколько было бы невозможно описание остальных.

Элементарная сущность

Можно вспомнить, что в одном из ранних писем наших учителей-адептов было замечено, что не будучи посвящённым, невозможно понять состояние первых двух элементарных царств.* Это показывает, насколько неполным будет успех всякой попытки описать их здесь, на физическом плане. Прежде всего хорошо бы постараться составить о том, что же такое в действительности элементарная сущность, настолько ясное представление, насколько возможно, поскольку по этому вопросу, похоже, существует много путаницы — даже у тех, кто достаточно изучал теософическую литературу.

Определение. Элементарная сущность (или эссенция) — это просто название, применяемое к некоторым ранним стадиям эволюции монадической сущности, которую, в свою очередь, можно определить как изливание в материю Божественной Жизни, исходящей из Второго Логоса. Всем нам известно, что прежде, чем дойти до степени индивидуализации, на которой она образует каузальное тело человека, её поток последовательно прошёл, одушевляя, шесть низших фаз эволюции — животное, растительное, минеральное и три элементарных царства. Когда она оживляет эти стадии, её иногда называют соответственно монадой животной, растительной или минеральной, хотя этот термин определённо вводит в заблуждение, поскольку ещё задолго до достижения ею любого из этих царств она стала не одной монадой, а многими. Означенный термин был, однако, принят для выражения той идеи, что хотя дифференциация монадической сущности началась уже давно, она ещё не дошла до степени индивидуализации. И когда эта монадическая сущность оживляет три великих элементарных царства, предшествующих царству минеральному, её называют "элементарной сущностью".

Как облекается дух

Однако, прежде чем можно будет понять природу того, как монадическая сущность проявляется на различных планах, нужно уразуметь, как облекается дух в своём нисхождении в

* См. "Письма махатм", письмо №65, вопрос 2 — прим. пер.

материю. Речь сейчас идёт не о первоначальном образовании материи различных планов, а просто о нисхождении новой волны эволюции в уже существующую материю.

До периода, о котором мы говорим, эта волна жизни в течение бесчисленных эпох развивалась весьма труднодостижимым для нас способом, последовательно облекаясь в атомы, молекулы и клетки. Но мы пока что оставим в стороне раннюю часть её долгой истории, и рассмотрим лишь её нисхождение в материю планов, более доступных человеческому уму, хотя и гораздо более возвышенных, чем простой физический уровень.

Следует понимать, что когда дух, пребывающий на одном из планов (всё равно, на каком), на своём нисходящем пути в материю, своею собственной непреодолимой силой оказывается принуждён спуститься на одну ступень и перейти на следующий план, он должен для своего проявления облечься в атомическую материю этого низшего плана — собрать вокруг себя в качестве тела оболочку или пелену из этой материи, для которой он будет душой или оживляющей силой. Аналогично этому, когда он продолжит своё нисхождение к третьему плану, он должен будет облечься уже в его материю, и таким образом, получается существо, тело которого или внешняя оболочка состоит из атомической материи этого третьего плана.

Однако сила, оживляющая это существо — его душа, так сказать, — уже не будет духом в том состоянии, в каком он был на высшем плане, где мы его впервые встретили: теперь это будет тот же дух плюс оболочка из атомической материи пройденного им второго подплана. Когда произойдёт дальнейшее нисхождение на четвёртый план, существо станет ещё более сложным, так как у него будет тело из материи четвёртого плана, одушевлённое духом, уже дважды скрытым — в атомическую материю второго и третьего планов. А поскольку этот процесс повторяется на каждом плане Солнечной Системы, то дойдя до нашего физического уровня, изначальная сила оказывается настолько основательно сокрыта, что вовсе неудивительно, что людям часто не удаётся вообще распознать в ней дух.

Предположим, например, что какой-нибудь обыкновенный необученный ясновидящий попытается исследовать минеральную монаду — выяснить, что за жизненная сила стоит за минеральным царством. Почти наверняка видение этого ясновидящего не пойдёт далее астрального плана, не будучи и там достаточно совершенным, и эта сила представится ему просто астральной. Но тренированный исследователь, изучающий её при помощи более высокой способности, увидит, что принятое ясновидящим за астральную силу было просто астральной атомической материей, приводимой в действие силой, исходящей с атомического подплана ментального плана. Ученик, продвинувшийся ещё дальше, сможет увидеть, что атомическая ментальная материя сама является проводником, в котором действует нечто, исходящее с наивысшего буддхического подплана. Адепт же обнаружит, что буддхическая материя — это лишь орудие нирванического начала, и что сила вошедшая во все эти стоящие друг за другом оболочки и действующая через них, на самом деле пришла вообще извне этого космического пракритического плана, и была просто одним из проявлений Божественной Силы.

Элементальные царства

Элементальная сущность, обнаруживаемая нами на ментальном плане, образует первое и второе великие элементальные царства. Волна Божественной Жизни, завершив в каком-то прежнем зоне свою нисходящую эволюцию* сквозь буддхический план, изливается в область седьмого неба и одушевляет огромные массы атомической ментальной материи, становясь, таким образом, элементальной сущностью первого великого царства. В этом, самом простом её состоянии, она не соединяет атомы в молекулы, чтобы образовать для себя тело, но просто прилагает к ним путём своего притяжения огромную сжимающую силу. Мы можем представить, что эта сила, когда в своём нисхождении она впервые достигает этого плана, оказывается как бы совершенно непривычной к его колебаниям и неспособной на них ответить. В течение того эона, который она проводит на этом уровне, её эволюция состоит в том, чтобы приспособиться ко всем частотам колебаний, которые там возможны, и приобрести способность в любой момент оживать и использовать любые комбинации материи этого плана. В течение этого долгого периода эволюции она проходит через все комбинации, возможные на трёх уровнях арупы, но в конце его она возвращается к атомическому

* Часто при описании такого погружения в материю в теософической литературе пользуются термином "инволюция", эволюцией же называют обратное движение от низших планов к высшим, свойственное, например, человеку. — Прим. пер.

уровню — не такой, как она была вначале, конечно, но содержит в потенциальном виде все приобретённые способности.

В следующем эоне она достигает четвёртого ментального подплана, то есть наивысшего уровня рупы, и собирает вокруг себя материю этого подразделения, чтобы использовать её в качестве тела. Теперь она — элементарная сущность второго царства в своём простейшем состоянии. Но, как и прежде, она облекается, по мере прогресса, в многочисленные и разнообразные одеяния, образованные из всевозможных комбинаций материи низших подпланов.

Могут естественно предположить, что эти элементарные царства, существующие и действующие на ментальном плане, должны быть конечно же значительно более продвинувшимися в своей эволюции, чем третье царство, принадлежащее исключительно астральному плану, но это не так — ведь следует помнить, что когда говорят об этой фазе эволюции, слово "высокий" не означает, как обычно, "более продвинувшийся". Это, напротив, менее развитое состояние, поскольку здесь мы имеем дело с монадической сущностью, находящейся на нисходящей дуге, и прогресс для неё значит нисхождение в материю, а не подъём к высшим планам, как в случае людей. Если изучающий теряет из вида это обстоятельство или неясно его представляет, он будет постоянно сталкиваться с ненормальностями, сбивающими его с толку, и его видение этой стороны эволюции будет недостаточно точным и исчерпывающим.

Общие свойства элементарной сущности уже достаточно были даны в книге "Астральный план", и всё сказанное там о числе подразделений элементарных царств и их удивительной способности впечатляться человеческой мыслью в равной мере приложимо и к этим небесным разновидностям. Может быть, следовало бы сказать несколько слов, чтобы объяснить, как семь горизонтальных подразделений каждого из царств соотносятся с различными частями ментального плана. Что касается первого царства, то его высшее подразделение соответствует первому подплану, в то время как второй и третий подпланы каждый разделены на три части, каждая из которых является областью обитания одного из оставшихся подразделений.

Второе царство располагается в низшем небесном мире; его высшее подразделение соответствует четвёртому подплану, в то время как пятый, шестой и седьмой подпланы разделяются каждый на две части и заняты остальными подразделениями.

Как развивается элементарная сущность

В начальной части этой книги мы столько говорили о действии мысли на элементарную сущность, что нет необходимости опять возвращаться к этой части нашего предмета. Но нельзя терять из вида, что здесь эта сущность ещё более чувствительна к влиянию мысли и быстрее на неё откликается, чем на астральном плане. Удивительная тонкость, с которой она отзывается на малейшее действие ума, постоянно обращала на себя внимание наших исследователей. Мы полнее поймём эту её способность, если осознали, что в таком отклике и состоит сама её жизнь — её прогрессу значительно способствует применение, которое ей дают наиболее развитые из существ, в эволюции которых она задействована.

Если бы её можно было представить хотя бы на мгновение совершенно свободной от всякого действия мысли, она имела бы вид бесформенной массы бесконечно малых и танцующих атомов — наделённых удивительной силой жизни, но весьма мало продвигающихся по своему инволюционному пути нисхождения в материю. Но как только ею овладевает мысль, приводя её в действие и заставляя принимать на уровнях рупы все виды изящных форм, а на уровнях арупы — направляя её блестящими потоками, сущность получает дополнительный отчётливый импульс, который, будучи повторяем, помогает продвигаться ей на пути. Ведь когда бы мысль ни была направлена от этих высших уровней к земным делам, она естественно устремляется вниз и принимает на себя материю низших планов. При этом она приводит в соприкосновение с этой материей ту элементарную сущность, из которой была образована её первая оболочка, что постепенно приучает сущность отзываться на вибрации более низкого порядка и значительно способствует её инволюции.

Эта сущность также весьма заметно подвержена влиянию музыки — уже упомянутых нами великолепных потоков чудных звуков, изливаемых на этих возвышенных планах великими мастерами композиции, которые могут заниматься своим творчеством в гораздо большем масштабе, продолжая ту работу, которую они лишь начали на этой тусклой земле.

Не забудем также огромную разницу между могуществом и величию мысли на ментальном плане и сравнительной слабостью усилий, которые мы достигаем наименования "мысли" на плане физическом. Наша обычная мысль берёт начало в ментальном теле на низших ментальных уровнях и

при своём нисхождении облекается в подходящий вид элементарной астральной сущности, соответствующей её природе.

Но если человек настолько развит, что его сознание уже активно в истинном „я“, действующем в высшем небесном мире, то именно там зарождается его мысль, облекаясь сначала в элементарную сущность низших уровней ментального плана — потому она оказывается бесконечно более тонкой, проникающей, и во всех отношениях более эффективной. Если она направлена исключительно на возвышенные предметы, вибрации её могут быть настолько утончёнными, что вообще не найдут себе выражения на астральном плане, но когда они направлены на эту более низкую материю, влияние их будет куда более далекоидущим, чем у мыслей, первоначально порождённых намного ближе к астральному уровню.

Последовательно прилагая этот принцип и далее, мы увидим, что мысль посвящённого, начинающаяся на буддхическом плане, который выше ментального мира, облекается сначала элементарной сущностью высших небес, тогда как мысль адепта низвергается из самой нирваны, неся с собой огромные, совершенно неисчислимы́е силы областей, находящихся всецело за пределами познания обычного человечества.

Таким образом, по мере того, как наши идеи становятся выше, перед нами раскрываются всё более обширные поля полезной деятельности, свойственной значительно увеличившимся способностям, и мы осознаём, насколько верно высказывание, что на таких возвышенных уровнях один день работы несомненно действеннее, чем на физическом плане тысячелетний труд.

Животное царство

Животное царство представлено на ментальном плане двумя большими подразделениями. В низшем небесном мире мы находим групповые души, к которым присоединено большинство животных, а на третьем подплане — каузальные тела сравнительно немногочисленных представителей животного царства, которые уже индивидуализировались. Строго говоря, эти последние — уже не животные; в наше время они — практически единственные примеры, на которых можно изучить едва образовавшееся каузальное тело, ещё не развившееся в размере и лишь еле окрашенное первыми вибрациями зарождающихся качеств.

После своей физической и астральной смерти индивидуализированное животное обычно пользуется в низшем небесном мире очень продолжительным существованием, впрочем часто похожим на дремоту. Его состояние в этот период подобно состоянию человека, находящегося на этом уровне, но с меньшей умственной активностью. Оно окружено мыслеформами, но лишь сонно их сознаёт; среди них обязательно присутствуют образы его земных друзей — они видятся такими, какими оно знало их в моменты их самых лучших проявлений и дружелюбного настроения. А поскольку любовь, которая достаточно сильна и бескорыстна, чтобы образовать подобный образ, должна быть и достаточно сильна, чтобы достичь души любимого существа и вызвать в ней отклик, то даже домашние животные, которым мы расточаем свои ласки, в ответ могут внести свой небольшой вклад в нашу эволюцию.

Когда индивидуализировавшееся животное возвращается в своё каузальное тело, чтобы ожидать того поворота колеса эволюции, который предоставит ему возможность примитивного человеческого воплощения, оно, по-видимому, теряет почти всякое сознание внешних предметов, погрузившись в нечто вроде восторженного транса, в котором оно переживает глубочайший мир и удовлетворение. Но даже тогда некоторое внутреннее развитие непременно происходит, хотя природу его нам и трудно понять.

По крайней мере, мы можем быть уверены, что небесный мир для всякого существа, в него попадающего, вступает ли оно только в человеческую эволюцию, или собирается оставить её позади, означает высшее блаженство, какое оно только способно испытать.

Дэвы или ангелы

Человеческая речь почти не даёт возможности описать этих чудесных и возвышенных существ, и почти всё, что нам о них известно, уже было написано в моём сочинении "Астральный план". Но для тех, у кого нет этой книги, здесь я повторю основные разъяснения, дающиеся там об этих существах.

Высшей из систем эволюции, особо связанных с этой Землёй, насколько нам известно, является эволюция существ, называемых индусами дэва, и известных также под названием ангелов, сынов Бога и т. д. Мы можем рассматривать её, как следующее царство, лежащее выше человеческого, подобно тому, как человеческое царство в свою очередь находится выше животного,

но с той важной разницей, что если для животного нет возможности эволюционировать через какое-либо иное царство, кроме человеческого, то для человека, достигшего уровня асекха, или полного адепта, открываются различные пути продвижения, и великая дэва-эволюция является лишь одним из них. (См. мою книгу "Невидимые помощники").*

В восточной литературе слово "дэва" часто употребляется нечётко — для обозначения всех видов нечеловеческих существ, зачастую включая высшие из духовных сил с одной стороны, и духов природы и даже искусственных элементаров — с другой. Однако здесь его применение будет ограничено великолепной эволюцией, которую мы сейчас рассматриваем.

Эти ангелы, хотя и связаны с нашей Землёй, ни в коей мере ею не ограничены, ведь вся наша цепь семи миров для них — как один мир, а эволюция их идёт через грандиозную систему из семи цепей. До сих пор их ряды пополнялись главным образом из других человечеств Солнечной Системы, из которых иные менее, другие более нас эволюционировали, поскольку лишь немногие из нас уже достигли уровня, на котором возможно к ним присоединиться. Но представляется несомненным, что некоторые из весьма многочисленных их разновидностей на своём пути восхождения не проходили через какое-либо человечество, вообще сравнимое с нашим.

Очень много знать о них мы в настоящее время не можем, но ясно, что то, что можно назвать целью их эволюции, значительно выше нашей. Если цель нашей человеческой эволюции заключается в достижении успешной частью человечества степени адепта-асекха до окончания седьмого круга, то эволюция дэв имеет целью за соответствующий период поднять их передовые ряды на гораздо более высокий уровень. У них, как и у нас, для тех, кто предпринимает серьёзные усилия, открывается крутой, но более короткий путь на ещё бóльшие высоты, но каковы могут быть эти высоты, мы можем только предполагать.

Подразделения дэв

Три первых больших подразделения, начиная снизу, обычно называются кама-дэва, рупа-дэва и арупа-дэва, что можно перевести как ангелы астрального мира, низшего небесного и высшего небесного миров. Как для нас низшим телом является физическое, так для кама-дэв низшим телом будет астральное, так что они находятся приблизительно в таком же положении, в каком будет человечество, когда достигнет планеты F. Кама-дэва, живя обычно в астральном теле, может покидать его и переходить в высшие сферы в ментальном теле, точно так же, как мы пользуемся астральным. Перейти же в каузальное тело (если он достаточно развит) ему будет не труднее, чем нам — в ментальное. Таким же образом, обычным телом рупа-дэв является ментальное тело, так как их дом — четыре низших уровня ментального плана, то есть уровни рупа, тогда как арупа-дэвы относятся к трём высшим уровням того же плана, и для них наиболее плотным телом будет каузальное.

Над арупа-дэвами имеются ещё четыре класса, относящихся к царству дэв, населяющих соответственно четыре высших плана нашей солнечной системы. Ещё выше и за пределами царства дэв идут великие сонмы планетных духов, но рассмотрение столь возвышенных существ здесь было бы уже неуместно.

Каждое из тех двух главных подразделений этого царства, которые имеют местом своего пребывания ментальный план, делится на многочисленные классы. Однако жизнь их во всех отношениях настолько далека от нашей, что бесполезно пытаться передать что-либо, кроме самого общего о ней представления. Я не могу иначе передать впечатления наших исследователей этих областей, как приведя подлинные слова одного из них, сказанные во время наблюдений: "Я испытываю действие очень возвышенного сознания, великолепного за пределами всяких слов. Но оно столь необычно, такое иное, настолько отличается от всего, что я испытал когда-либо ранее, так непохоже на любой вид человеческого опыта, что совершенно невозможно выразить его в словах".

Столь же напрасным оказалось бы старание дать какое-либо описание этих могущественных существ на нашем физическом плане, так как их облик меняется с каждым новым направлением их мысли. Мы уже упоминали о величии и удивительной выразительной силе их цветового языка, а также о том, что при некоторых условиях люди, действующие на ментальном плане, могут многому у них научиться. Читатель может вспомнить, как один из дэв, оживляя фигуру ангела, созданного воображением хориста в его небесной жизни, преподавал ему музыку, намного превосходящую в

* См. об этом также "Учителя и путь" Ч. Ледбитера и "Трактат о космическом огне" А. Бэйли — прим. пер.

своём величии любые звуки, когда-либо слышанные земными ушами, и как другой дэва, связанный с передачей и направлением некоторых планетных влияний, помогал развитию одного астронома.

Соотношение дэв с природными духами (о которых говорится в нашем предыдущем пособии) в чём-то напоминает соотношение людей и животных, только в гораздо большем масштабе. И как животное может достичь индивидуализации лишь через привязанность к человеку, так же представляется, что и природный дух может приобрести постоянную перевоплощающуюся индивидуальность лишь путём подобного сближения с членами одного из разрядов дэв.

Конечно же, всё сказанное, или даже всё то, что может быть сказано об этой великой ангельской эволюции, только слегка касается самого края этой огромной темы. Более полные сведения каждому читателю придётся приобретать самостоятельно, когда он сам станет сознательным на высших планах. Но всё же написанное, каким бы малым и неудовлетворительным наброском оно ни являлось, поможет читателю составить некоторое представление о бесчисленных помощниках, в соприкосновение с которыми может привести человека его продвижение по пути эволюции, и покажет, как каждое высокое устремление, становящееся возможным для человека по мере роста его способностей, будет более чем удовлетворено благодаря благотворному устройству, предпринятому природой.

III. Искусственно созданное население

Об этой части нашего предмета можно сказать лишь несколько слов. Ментальный план ещё более, чем астральный, населён искусственными элементами, призванными к временному существованию мыслями его обитателей. А если вспомнить, насколько грандиознее и могущественнее мысль на ментальном плане, и что его силами пользуются не только люди, воплощённые и развоплощённые, но и дэвы, а также существа с высших планов, то сразу же становится видно, что важность влияния искусственных существ трудно преувеличить. Здесь нет необходимости снова обращаться к сказанному в предыдущем пособии об эффекте человеческой мысли и необходимости тщательной осторожности в мыслях. Достаточно было сказано при описании разницы между действием мысли на уровнях рука и арупа, чтобы показать, как искусственный элемент ментального плана вызывается к существованию, и дать некоторое представление о бесконечном разнообразии эфемерных существ, созданных таким образом, и огромной важности работы, постоянно совершаемой через них. Адепты и их посвящённые ученики дают им широкое применение, и излишне говорить, что искусственный элемент, созданный такими могущественными умами, является существом куда более долговечным, и соответственно тому, сильным, чем любые из описанных нами в связи с астральным планом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Просматривая написанное, первым делом естественно испытываешь чувство бессилия и полной негодности всех попыток описания, безнадёжности всех усилий заключить в человеческие слова невыразимые красоты и славу небесного мира. Но как бы ни был плачевно несовершенен этот очерк, это всё же лучше, чем ничего, и он может послужить тому, чтобы сообщить уму читателя хотя бы слабое представление о том, что ожидает его за гробом. И хотя по достижении этого яркого царства блаженства он непременно обнаружит, что оно полностью превосходит все его ожидания, ему не придётся, как мы надеемся, переучивать по-другому то, что он извлёк из нашей книги.

Человек в нынешнем своём строении имеет в себе начала, принадлежащие к планам даже более высоким, чем ментальный, так как он представлен своим буддхи на плане, который поэтому мы именуем планом буддхическим, а также своей атмой — живущей в нём божественной искрой — на третьем плане Солнечной системы, называемом обычно нирваническим. У обычного человека эти высшие принципы пока ещё совершенно неразвиты, и во всяком случае, планы, которым они соответствуют, ещё более неописуемы, чем ментальный. Достаточно сказать, что на плане буддхи все ограничения начинают исчезать, и сознание человека расширяется, пока он не осознает, что не только теоретически, но и на опыте, сознание его ближних входит в его собственное сознание. Он знает и испытывает с совершенным сопереживанием всё, что есть в них, потому что всё это на самом деле — лишь часть его. На плане нирваны он делает ещё шаг далее и констатирует, что его собственное сознание едино с их сознанием в ещё более возвышенном смысле, так как в реальности они являются лишь гранями ещё бесконечно более великого сознания Логоса, в котором все они живут, движутся и существуют. Так что когда "капля вливается в сияющее море", это ощущается, как

обратное явление — будто океан вливается в каплю, которая впервые осознаёт, что она и есть океан — не часть его, но весь океан.

Это парадоксально, крайне непонятно, и кажется невозможным, но тем не менее, это правда.

Но из этого мы по крайней мере можем уяснить следующее — блаженное состояние нирваны вовсе не является состоянием полного уничтожения, как некоторые невежественно полагают — это жизнь чрезвычайно интенсивной и благотворной деятельности; и по мере того, как мы поднимаемся по ступеням природы, наши возможности становятся более широкими, а наши труды на благо ближних — более великими и далекоидущими. Мы понимаем также, что безграничная мудрость и безграничная сила означают лишь неограниченную способность к служению, потому что направляемы они безграничной любовью.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

